

Наталья
Филимонова

Обаятельный
гарем желает
познакомиться

Наталья Филимонова

**Обаятельный гарем
желает познакомиться**

«Автор»

2023

Филимонова Н.

Обаятельный гарем желает познакомиться / Н. Филимонова —
«Автор», 2023

Быть в гареме старшей женой – почетно, но хлопотно. И, разумеется, ни о какой любви здесь можно и не мечтать. Не говоря уже о возможности заниматься любимым делом. Я – попаданка. Когда-то я управляла финансами огромной компании. Теперь я живу в мире, где женщина считается имуществом. И неважно, насколько этот мир волшебный. Но что если гарем – вдовствующий? Благодаря странному завещанию нашего общего мужа мы с девочками оказались предоставлены сами себе и можем теперь выбирать. Хоть объявление в газету давай. Мол, обаятельный гарем желает познакомиться... Впрочем, похоже, нам и без всяких объявлений придется еще побегать всем коллективом от слишком настойчивых кандидатов! Книга о Ларисе и ее "попаданском" турагентстве - "Дом, где тысячи дверей". Обе книги однотомники, читаются отдельно.

© Филимонова Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Гарем не предлагать!	8
Глава вторая. Удобный кандидат	17
Глава третья. Штатный минимум приличного гарема	24
Глава четвертая. У меня есть для вас вакансии	32
Глава пятая. Будни совершенно нормального гарема	40
Глава шестая. А в малом зале дуб зеленый...	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Филимонова

Обаятельный гарем желает познакомиться

Пролог

“...Также спешу уведомить о необходимости выделения дополнительного финансирования на содержание сада. Расчеты прилагаю. С любовью и безмерным почтением – ваш гарем”.

Поставив точку, я подула на кончик пера, посыпала песком последнюю строку и полюбовалась на написанное. Надеюсь, Ирмаин вернется не сегодня – завтра, но напоминать о днях ему всегда лучше заранее. Он у нас не жадный, просто рассеянный. Так что пусть будет документальное свидетельство – а я, мол, говорила!

Артефакт вызова ожил неожиданно – пискнул, замигал и тотчас буквально заверещал.

Вздрогнув, я дернулась, едва не опрокинув чернильницу, и вскинула глаза на клавиатуру.

Это я ее так называю – клавиатура. В разработке внешней формы связного артефакта для своего кабинета я участвовала лично. Зато теперь он у меня эксклюзивный: по именному камушку-кнопке на каждую из девочек. И при вызове они горят разными цветами – в зависимости от важности.

Сейчас вторая кнопка слева полыхала ярко-алым – срочный вызов. Более того – малые огоньки отзыва мигали на всех клавишах сразу. Тария включила общую тревогу!

Она же сейчас в городе. Что могло случиться настолько важного?!

Поспешно бросив перо, я ткнула в кнопку.

– Тария?

– Нила! – голос дрогнул. На том конце связной линии длинно всхлипнули. – Девочки!..

Последовавший за этим вой расшифровке не поддавался.

– Тария! Что случилось?!

Послышался еще один всхлип-вздых.

– Ни-ила-а... наш муж умер!!

Теперь взвыли все одновременно – артефакт буквально затрясло от единодушного горестного стога.

Я и сама на мгновение забыла, как дышать. Это оказалось... больно. Очень больно. Как удар под дых. Я действительно успела привязаться к Ирмаину. Даже полюбить. Конечно, не как мужа, об этом и речи не шло. Но он стал частью моей новой семьи. Забавный, чудаковатый, гениальный – он был тем, кому в этом мире я обязана очень-очень многим.

– Что с нами теперь будет?!

– Нас распродадут?!

– Нас вернут отцам?

– Он оставил нам хоть что-то?

– Как же мои пациенты!

– А мои клиенты!

– Я не хочууууу в чужой гарем!

Причитания девчонок слились в разноголосый гул, который увенчался грохотом, как будто упало что-то очень большое. На мгновение все стихли – и стали слышны чьи-то отчаянные, горькие рыдания.

Я бросила взгляд на клавиатуру. Мигал третий камень в нижнем ряду. Мариам. Значит, упал один из библиотечных стеллажей. Наверное, она прислонилась к нему и опрокинула.

Должно было стрястись что-то поистине невероятное, чтобы наш архивариус позволила себе уронить книги.

Собственно, оно и стряслось.

Мариам – наш архивариус и библиотекарь. То есть считается, конечно, что она одна из наложниц, но... в общем, так вышло. А еще Мариам никто никогда не видел. Мне пару раз почти удалось увидеть ее мельком, а Айсылу клянется, что однажды едва не схватила ее за руку. Впрочем, у Айсылу богатое воображение.

Я давно подозревала, что неуловимая библиотекарьша втайне влюблена в нашего общего мужа. Несмотря на его почтенные годы и при том, кстати, что она его тоже никогда не видела. Но уж больно трепетно она собирала все его монографии, статьи о нем в прессе и вообще все, что хоть как-то его касалось. И очень уж ревниво ко всей этой бумажной продукции относилась, не позволяя даже выносить из библиотеки. Даже мне!

Как ни странно, мысль о рыдающей среди рассыпанных книг Мариам привела меня в чувство. Пора брать себя в руки. Наложницы и младшие жены могут себе позволить истерику. Я – нет. Я отвечаю за всех.

В конце концов, это было... ожидаемо.

Я нажала на центральный камень переговорника.

– Спокойно, девочки! – говорила, как обычно, ровным и уверенным тоном. Когда-то так я говорила на конференциях с руководством компании, на сложных переговорах – или когда нужно было сообщить подчиненным о предстоящей реорганизации. – Все под контролем. Никто никого не будет распродавать или возвращать родителям. Замуж в чужие гаремы вас тоже не отдадут, если сами не захотите.

– Да откуда тебе знать! – взвизгнула Сафира. – Ты больше не старшая жена! Ты... ты теперь никто! Как и все мы!

Ну конечно. Чего от нее еще стоило ждать... вот кого я бы с удовольствием продала, вернула... что там еще делают с женщинами из “вдовствующих гаремов” при отсутствии прямых наследников? Увы-увы, как раз в случае Сафиры все варианты мимо. Надо будет подумать над этим вопросом. Крепко подумать.

– Спокойно, девочки! – на этот раз я чуть повысила голос, чеканя слова. – Я сама составляла завещание.

Мысленно я усмехнулась. Да уж... местные законники знатно удивятся и наверняка будут искать лазейку, чтобы объявить завещание ничтожным. Но я очень, ну очень постаралась обезопасить себя и девочек. Даже консультировалась с земным юристом, притащив ему свод местных законов.

Здесь, в Зенаиле, забавные традиции и законы в том, что касается женщин. Например, одновременно существуют понятия калыма и приданого, и применяются они в зависимости от статуса невесты. За невинную девушку из хорошей семьи дают калым. А вот невесту с каким-нибудь изъяном возьмут только с приданым. В некоторых ситуациях отец девушки и жених даже обмениваются дарами, этакий взаимозачет.

Сам гарем считается здесь имуществом, передаваемым по наследству. Однако зачастую наследники предпочитают оставлять себе только самых молодых и красивых девушек. Остальные жены возвращаются в родительские дома – фактически на положении служанок. “Лишних” наложниц обычно просто распродают по дешевке.

А еще муж может в своем завещании оставить что-то женам в качестве приданого – тогда у тех, кому некуда идти, появляется небольшой, но все же шанс снова выйти замуж, пусть и в небогатый дом. Или хотя бы вернуться в отцовский гарем не с пустыми руками – и тем чуть улучшить свое положение там. Конечно, ничего серьезного женщинам обычно не завещают – никому такое в голову не приходило. До сих пор.

Вот этой-то лазейкой я и воспользовалась, составляя для Ирмаина завещание, которое он без всяких сомнений подписал (и, между нами говоря, ехидно хихикал при этом, представляя лица всех, кто будет присутствовать при оглашении). В результате мы имеем занятный юридический казус: гарем, который унаследовал сам себя. Ну, не считая дворца и всего прочего имущества отнюдь не бедного мастера-артефактора и личного советника халифа.

Обо всем этом мне предстоит сегодня рассказать своим подопечным. И еще как-то объяснить им главное...

Разумеется, нас обязательно попытаются прибрать к рукам. Да просто каждый мимо проходящий попытается, начиная с самого халифа! О том, какой цветник юных пери собрал в своем гареме Ирмаин ай-Мируз, уже легенды ходят. Хотя и это не главное. Кого не интересуют красавицы – того наверняка привлечет дворец, полный, по слухам, сказочных сокровищ. Да и сам дворец не простой! А если вдруг кому неинтересно и это – и тот все же не сможет пройти мимо уникальных артефактов и чертежей самого ай-Мируза.

Словом... мы теперь – лакомый кусочек, слопать который захочет буквально каждый. И наша защита – всего лишь бумажка, пусть и составленная в полном соответствии со всеми местными законами. Поэтому... нам предстоит очень быстро бегать и хорошо прятаться.

Всем гаремом!

И с дворцом в кармане...

А еще нам очень нужен муж! Только замужество сможет нас оградить от любых посягательств, иначе бегать нам до скончания века. Замуж, конечно, будем выходить оптом – всем коллективом. Нечего разбазаривать кадры!

Муж нам нужен адекватный, вменяемый, без всех этих властных замашек, но с достаточно высоким статусом, чтобы нас защитить.

Ах да! И, разумеется, фиктивный.

М-да... кажется, наш будущий муж – зверек практически мифический. Ну что ж... будем искать! Нашла же я такого один раз. Кто сказал, что не найду снова?

Обаятельный гарем желает познакомиться с женщиной с серьезными намерениями...

– Всем, кто сейчас вне дворца, немедленно вернуться.

– Но у меня... – Тария заговорила чуть заторможенно, и ее тут же перебила возмущенная Зарема.

– А у меня свидание!

– Девочки, это не шутки. Кхм... и мальчики тоже, – мда, о “мальчиках”-то я и забыла совсем. – Всем вернуться. Считайте, что мы на осадном положении. Через час общий сбор.

Нажав отбой на клавиатуре, я откинулась на подушки. Ох... трудно будет. Разбаловала я их... ничего. Прорвемся. Вот когда по реорганизации надо было решить, в каких подразделениях компании и как не слишком больно уволить 400 человек – тогда было трудно. А сейчас... сложности роста. Я ведь знала, что это рано или поздно случится. И завещание мы с Ирмаином не зря давно приготовили.

Наверное, Ниле ай-Зени эр-Мируз сейчас полагалось бы рыдать и истерить вместе со всеми. Впрочем, юная Нила и не стала бы старшей женой в гареме самого ай-Мируза.

Но Лике Ведуновой уже приходилось совершать невозможное. Я точно знаю, что необратима только смерть. И то – как оказалось, есть варианты.

Я попала в мир, где до эмансипации даже в самых цивилизованных землях еще не одно столетие пройдет. Я попала в страну, где женщина считается имуществом, а многоженство – нормой. И все же – в этом мире и этой стране я смогла занять достойное место, не потерять себя и даже спасти не одну живую душу. А теперь и вовсе – я не одна, мне есть за что и за кого бороться.

Однозначно прорвемся.

Ой, где бы только приличного мужа теперь найти, а...

Часть первая. Гарем не предлагать!

Глава первая. Вид на жительство в другом мире

– Азанила! – гневно воскликнула старшая матушка. – Ты слушаешь меня?! Твой отец слишком тебя избаловал! Тебя давно пора было отдать замуж, и...

Почти не слушая, я слегка поморщилась. Все это она говорила с десятков раз, не меньше. А еще меня ужасно раздражает мое полное имя. Вот не люблю!

Ну да... избаловал. Я дочь любимой жены своего отца, и ко мне всегда было слегка особенное отношение. А еще старшая матушка меня ненавидит. Зато я и впрямь задержалась под отцовской крышей. Все потакали моим “капризам”.

Но... рано или поздно это должно было случиться. Меня выдадут замуж. И на этом моя жизнь закончится.

Как девушка из хорошей, но не самой влиятельной семьи, из любимой дочери я должна буду стать младшей женой в чьем-нибудь гареме. Той, чье положение немногим лучше, чем у наложниц. Разве что гостям для развлечения меня никто предлагать не станет. Если постараюсь и мне очень повезет – возможно, смогу стать даже любимой женой господина, и мне будет позволено куда как больше, чем другим...

Ну да – повезет. Еще как! В гареме везение ничего не решает. Любой гарем – тот еще серпентарий. И твое положение в нем зависит от того, сколько в тебе яда и какого он качества. А господин?... Женщины гарема всегда найдут, как на него повлиять.

Уж я-то знаю. Я ведь выросла в гареме.

– Ты пойдешь туда и будешь мила и скромна с господами, подыскивающими невест для своих гаремов! Азанила, ты слушаешь меня?!

– Матушка, – я кротко потупилась. – Ведь я не раз просила звать меня Нилой...

Старшая матушка со свистом втянула воздух, собираясь дать гневную отповедь. Ну да, надо же осадить зарвавшуюся девчонку. Разве объяснишь ей, что у меня тут жизнь заканчивается? Будешь тут дерзить!

– Лика?! Лика! – окликнувший меня голос был незнакомым и до странности знакомым одновременно.

...Меня?!

Я резко обернулась. Ну да, со старшей матушкой вошла служанка, чтобы приготовить мне наряд. Какая-то новенькая, прежде я ее не видела.

...Да нет же, это же Лариса! Лариса Меруханова, моя... крестница.

Это ведь из-за нее я здесь оказалась! Ну, Ларка...

И в этот миг будто прорвало плотину. Воспоминания и образы теснились в голове, стелкаясь и перебивая друг друга.

Я помнила, кто я такая. Просто у меня как будто было две жизни – и два разных прошлых.

В одном – меня зовут Нила ай-Зени, мне уже 17 – почти перестарок, того и гляди женихи и смотрят перестанут. Я живу в Зенаиле, еще не покинула гарем своего отца, и скоро жизнь моя будет кончена.

В другом... в другом я – Лика Ведунова, мне всего 38, в прошлом я – финансист, топ-менеджер крупной компании, обеспеченная женщина, сделавшая головокружительную карьеру. Передо мной был бы открыт весь мир, и вся жизнь могла бы быть впереди... вот только я умираю.

Впрочем, кажется, уже нет.

Хотя сейчас я ощущаю себя, пожалуй, все же скорее Ликой, чем Нилой. Все же эта девочка еще совсем ребенок.

Лариса одними глазами указала на старшую матушку, тоже обернувшуюся к ней. Вот только Зейнаб эр-Зени понятия не имеет, что здесь происходит на самом деле – она и вовсе не поняла, кого окликнула странная служанка и как та вообще посмела открыть рот.

Верно, надо спровадить Зейнаб. Ну не называть же ее и про себя, в самом деле, “старшей матушкой”! Вот уж глупее не придумать.

– Прости, матушка! – я угодливо закивала, сложив перед собой руки. – Я все осознала. Я непременно буду готова! Позволь мне побыть немного наедине...

– Хм, – Зейнаб недоверчиво окинула меня взглядом с головы до ног, не понимая, отчего я вдруг не препираюсь и не пытаюсь, как всегда, тянуть время. – К назначенному часу ты должна быть готова, ты понимаешь это?

– Конечно, матушка! – я кивала головой, как болванчик, всем своим видом демонстрируя покорность и ненавязчиво отгесняя ее к выходу. – Оставь мне служанку, она поможет...

– Я пришлю тебе еще служанок!

– Непременно, матушка! – спровадить служанок будет куда проще!

В конце концов, кое-как вытолкав Зейнаб, я захлопнула за ней дверь, к которой и привалилась с облегчением. А потом перевела злобный взгляд на Ларису. Да уж, ну и вид у нее в этих восточных тряпках... Впрочем, у меня не лучше.

– Знаешь, Лар, – я чуть прикрыла глаза, пытаясь сформулировать все, что хотелось высказать ей. – Я как-то иначе представляла себе путешествие мечты...

*

Пожалуй, к своим 38 годам я успела добиться практически всего, о чем мечтала. Ну, кроме разве что семьи. Нет, замуж я, что называется, сбегала – туда и обратно. Еще в студенчестве. “Там” мне не понравилось. Как-то... не срослось. И ребенка не успела родить. Но в наше время и в сорок лет рожают первых детей, так что какие мои годы?

Зато я успела построить более чем успешную карьеру, стать топ-менеджером крупной компании и заработать вполне приличное состояние. Пожелай я сменить работу – могла бы претендовать на место и в международной корпорации.

Я всего добилась сама, своими руками и трудом. Работала порой круглыми сутками, не жалея нервов и здоровья. У меня была отличная квартира в центре города, хорошая машина, солидный счет в банке и великолепные перспективы.

А потом мне поставили диагноз.

Билась я долго. Скрывала свою болезнь от всех, продолжала работать. Разве что о ребенке мечтать перестала. А вдруг я рожу, а потом... Были долгие периоды ремиссии – и очередные рецидивы. Бесконечные “химии”.

В конце концов я просто устала бороться. Да и шансов оставалось... если честно, не оставалось их вовсе. Метастазы пошли по всему телу, и врачи уже отводили глаза. Несложно оказалось догадаться, к чему все идет. Так что я потребовала четкого прогноза – нужно было понимать, сколько осталось и что я успею.

Собственно, родителей я к этому готовила давно. То есть... нет, о диагнозе им не говорила. Просто звонила все реже, а появляться у них в райцентре постепенно и вовсе перестала. Они привыкли. У них есть еще сын и внуки, и они-то регулярно навещали бабушку с дедушкой... а я лучше побуду немного неблагодарной дочерью, чем дам им шанс догадаться, что происходит на самом деле. Пусть думают, что я совсем замоталась со своей карьерой – и привыкают жить без меня.

С работы я к тому времени уже уволилась. Просто стало невозможно скрывать и свои боли, и то, что происходило с моей внешностью. Кто-то бы догадался. А я не хотела видеть жалость в чьих-либо глазах.

В хоспис, который мне советовали, я тоже заходила. Посмотрела, пообщалась... и ушла. Паллиативная медицина – не для меня.

Пускай на лошадиных дозах обезболивающих, но я проживу тот срок, что мне остался, так, как хочу.

Оставалось еще составить завещание – а после этого я планировала устроить себе такой отпуск, какого у меня не было много лет. Например, купить большой круиз по Средиземному морю. Сидеть в шезлонге на борту лайнера, тянуть коктейль через трубочку, смотреть на горизонт...

С этими мыслями я шла по улице, когда взгляд зацепился за вывеску – «Нотариальная контора “Вернивоблов и Ко”». Так это же то, что мне нужно! Надо же, какая фамилия дурацкая...

Уже продумывая пункты своего завещания, я шагнула на ступеньку – и едва не налетела на девушку, выходящую из конторы. Коротко извинилась и шагнула в сторону, все так же погруженная в свои мысли.

– Лика?!

Этот голос я, конечно, не могла не узнать. И прятаться оказалось уже поздно...

Ленка Веселина была моей школьной подругой. Просто после школы я уехала из райцентра, а она осталась. Но связи мы друг с другом не теряли – регулярно обменивались сообщениями, переписывались и созванивались. Она как-то очень быстро выскочила замуж, родила дочь и развелась. В родном городе я тогда бывала регулярно – так что успела и погулять на Ленкиной свадьбе, и стать крестной ее дочери. И пока Лариска росла, я периодически сваливалась ей на голову с подарками. Ленкина дочь всегда звала меня просто по имени – без всяких “тетя”, которых я не признавала.

Вот только в последние годы я все реже виделась с крестницей – пока не перестала ее навещать вовсе, как и своих родителей. Не хотела бы я, чтобы она меня видела такой... но что уж теперь.

– Лика! С тобой все в порядке? – Лариса обеспокоенно заглядывала мне в глаза. Я знала, что она видит – изможденную фигуру, запавшие щеки, заострившиеся скулы. И элегантный небольшой тюрбан на голове. Для тех, кто не знает меня, я – просто слегка экстравагантная и очень хорошо одетая худошавая женщина.

Я мысленно вздохнула. Объясниться с Ларисой придется. Пожалуй, поход к нотариусу Вернивоблову слегка откладывается.

– Лар, пойдем, присядем в кафе... если ты не занята.

Лариса поймет. Нужно только собраться с духом и рассказать ей, что нет никакой трагедии – и что я собираюсь в самое волшебное в своей жизни путешествие. Кстати, она, кажется, поступала на факультет туризма и все грезила о собственном турагентстве. Может, даже поможет мне составить маршрут.

*

– Путешествие мечты, говоришь... – Лариса как-то очень задумчиво разглядывала меня, потягивая свой лимонад через трубочку. – А ведь мы, похоже, не случайно встретились. Помнишь, я мечтала о своем агентстве? Я открыла его. И специализируемся мы как раз на путешествиях мечты.

Сказать, что я изумилась, – ничего не сказать. Нет, я, конечно, верю в крестницу. Но ей всего 20 лет, она еще даже универ не закончила. Да и создание бизнеса – это всегда вложения, а они с матерью совсем не богаты.

– Я получила наследство от дальней родственницы по отцу, – пояснила Лара. – Очень необычное наследство. И... вот. Только, знаешь, если я расскажу тебе обо всем, ты, наверное, не поверишь. Это нужно увидеть. Так что приглашаю тебя в гости!

Если бы меня вот так сходу, ничего не объясняя, позвал неизвестно куда кто-то посторонний, конечно, я бы никуда не пошла. Но это ведь была Лариса, которую я знаю всю ее жизнь!

А потому очень скоро я стояла на окраинной Тригорской улице и разглядывала трехэтажный каменный дом, над подъездными воротами к которому красовалась вывеска «Туристическое агентство “Тысячи дверей”». Ничего себе наследство у Ларки! Значит, здесь она и живет, и работает.

– Это очень особенный дом, – негромко проговорила она у меня за спиной. – Сейчас сама увидишь...

Насколько дом особенный, я убедилась сразу. Потому что дверь нам открыл скелет.

Нормальный такой скелет, эдакое медицинское пособие. Только в глазницах зеленые огоньки светятся. Открыл дверь, отошел в сторону и церемонно поклонился, делая приглашающий жест.

В первую секунду я, опешив, даже запнулась. А потом, протянув руку, потрогала ребра скелета. Не голограмма. Хм... ну, полностью человекообразных роботов я на выставках видела. Вот таких, правда, не встречалось. Интересно, где ж там механизм прячется в этих косточках. Но ведь сейчас чего только не делают... однако сколько же такой должен стоять? Еще и подсветка эта в глазницах – полное впечатление, что скелет одушевлен!

Лариса наблюдала за моей реакцией с любопытством, а скелет только покачал черепом и чуть отступил.

– Это Генри, – пояснила моя крестница. – Наш мажордом, дворецкий и вообще незаменимый сотрудник.

Я чуть вздохнула. Ну, хочется девочке напустить тумана – ради бога.

– Интересный у тебя антураж, – только и сказала, осматриваясь. Прихожая как прихожая. Этажерка для обуви, зеркальный шкаф-купе, три двери, ведущих в разные стороны, и еще одна, не сразу заметная, прямо под винтовой лестницей.

Лариса только вздохнула.

– Мда... не просто с тобой будет. Слушай, а ты веришь в чудеса?

Я только криво усмехнулась.

– На чудо я долго надеялась. Как-то не срослось с чудесами.

Она отвела глаза.

– Ну хорошо! – Лариса решительно нажала на ручку не приметной двери справа и дернула ее на себя.

Внутри оказалась непроницаемая мгла, а с дверного косяка свисали клочья паутины. Потянуло плесенью. А потом в темноте вспыхнула пара ярко-алых глаз, и кто-то отчетливо чихнул.

Интересно, зачем такие спецэффекты турагентству? Может, раньше здесь было что-то вроде комнаты ужасов, вот и остался инвентарь?

Крестница поспешно захлопнула дверь.

– Черт... не угадаешь с этой кладовкой. Ладно... а скажи, где бы ты вот прямо сейчас хотела оказаться? Ну... например, в горах, на море?

Я пожалала плечами.

– Ну хорошо! – кажется, мое равнодушие слегка разозлило крестницу. Так что она, схватив меня за руку, решительно распахнула дверь напротив входной и почти втащила меня в длинный коридор.

По обе стороны коридора были... двери. Множество дверей. Кажется, я догадываюсь, откуда взялось название агентства. Конечно, в официальных учреждениях таких коридоров сколько угодно. Но ведь это частный жилой дом в три этажа!

Не оглядываясь, Лариса шагнула к первой попавшейся двери, рванула ручку и буквально толкнула меня в открывшийся проем.

Сделав по инерции пару шагов, я встала как вкопанная.

– Ну как тебе? – спросила Лариса за спиной.

Никакой комнаты за дверью не было. А было – собственно, море. Лазурное, яркое, с нереально-прозрачной водой и белоснежными барашками пены, накатывающей на гальку прямо у меня под ногами.

Я глубоко вдохнула воздух. Пахло водорослями. Присела. Потрогала гальку и воду. На всякий случай лизнула палец – солено!

Оборачиваться к Ларисе я не спешила, пытаюсь осмыслить все. Что это? Настолько правдоподобные декорации? Но...

И в этот момент со стороны скал неподалеку послышался цокот копыт и голоса.

Я резко развернулась... и заорала.

– Ой! – Лариса схватила меня за руку и дернула назад – в дверной проем, торчащий прямо посреди пляжа. – Извини, кентавров я не планировала...

Я все еще не могла сказать ни слова. А Лариса, уже стоя в коридоре своего дома, с любопытством разглядывала морской пейзаж за дверью – и группу кентавров, которые натягивали тетивы луков, целясь в нашу сторону!

– Какие-то они недружелюбные, – заметила она и наконец оглянулась на меня. – Ой... извини. Испугалась? Не бойся, сюда им никак не попасть.

В этот момент первая стрела воткнулась в землю прямо перед порогом, и Лариса захлопнула дверь.

– Ч-что это было? – я даже заикаться начала, чего за мной сроду не водилось.

Можно сколько угодно убеждать себя, что кругом очень крутые декорации, хотя вода в море и галька под ногами абсолютно реальны, а воздух пахнет водорослями. Но когда в тебя целятся – неважно, из какого оружия – о реальности окружающего мира перестаешь задумываться. Если честно, я... ну, наверное, смирилась со своей смертью. Распланировала тот короткий срок, что мне остался. Но умирать прямо сейчас? Я не согласна отдавать то, чего у меня и без того мало!

А если целятся в тебя мифические существа... на побережье моря, которого в нашем городе просто не существует... можно, наверное, попроситься со своим здравым рассудком.

Или попросить объяснений у того, кто может их дать.

– Пойдем на кухню, – вздохнула Лариса. – Мне нужно объяснить тебе кое-что.

*

– Ты когда-нибудь читала книги о попаданцах? – спросила крестница, налив мне чай и удобно устроившись на высоком стуле за барной стойкой.

Ничего такая у нее кухня, очень даже современная и одновременно – уютная.

Я пожалала плечами и кивнула. Ну, читала что-то.

– В общем... это не совсем сказки. Так бывает. Во Вселенной множество миров – в ней есть абсолютно все, что мы можем вообразить. Иногда люди пропадают без следа... не всегда, но иногда это значит, что их позвал другой мир. Именно этот человек для чего-то был очень нужен одному из миров. Многомерная Вселенная таким образом сама поддерживает свое равновесие. А еще есть вот такие места, как мой Дом – узлы, или точки равновесия миров. Можно стать попаданцем и добровольно. И даже на время – а потом вернуться. Просто войдя в одну из дверей в этом доме...

– А ты? Причем здесь ты? – почему-то больше всего у меня не укладывалось в голове именно это: ну какое отношение ко всем этим сказкам и иным мирам имеет моя крестница, самая обычная девчонка, которую я знаю все 20 лет ее жизни?

– А я... смотрительница Дома. – Почему-то это слово она произносила так, что сразу было ясно – “Дом” с большой буквы. – У каждой из таких точек равновесия есть свой смотритель. Однажды Дом позвал меня. И тебя – тоже позвал. Сюда никто не попадает случайно. И если ты здесь, значит он зачем-то тебе очень нужен.

– Так, – я прижала пальцы к вискам. – Я верно понимаю – у тебя здесь турагентство, так? То есть ты предлагаешь своим клиентам путешествия в другие миры?

– Именно! – она солнечно улыбнулась. – Только случайных клиентов здесь не бывает. Сюда находят дорогу те, кому это действительно надо. Мы предоставляем два вида услуг: туризм и... скажем, вид на жительство. И в первом случае ты выбираешь мир, а во втором – мир выбирает тебя. Ты можешь, как и планировала, отправиться в последнее путешествие в жизни – туда, куда пожелает твоя душа. Хоть на суперфешенебельный курорт из будущего, хоть в волшебную страну. Для этого нужно просто загадать мир и пройти в любую дверь вместе со мной. Ты останешься в своем теле, сохранишь свою память, вернешься такой, как была, и... умрешь в свой срок. А еще ты можешь...

Договорить Лариса не успела. Потому что хлопнула входная дверь, и по коридору стремительно проклацали дробные шаги – мне почему-то представилось, как резво удирает от чего-то – или кого-то – зеленоглазый скелет по имени Генри. А в следующую секунду в кухню вихрем ворвалась девочка лет десяти на вид с задорно подпрыгивающим хвостиком на макушке.

– Я к бабуле! – провозгласила она.

– Привет, Аглая, – Лариса вздернула брови. – А ты точно ничего не забыла?

Девочка закатила глаза.

– Привет! Проводи меня к бабуле... пожалуйста.

– И все? – Лариса тоже закатила глаза, вздохнула и продолжила. – Лика, эта мелкая невежа – моя соседка Аглая. Аглая, это моя крестная Лика.

– Привет, Лика, – нетерпеливо перебила ее девчонка. – Лар, ну так ты меня проводишь?

– Ладно, – моя крестница поднялась. – Пожалуй, так даже лучше. Лик, пойдем – познакомлю тебя кое с кем.

На этот раз мы поднялись на второй этаж по винтовой лестнице – там оказался точно такой же коридор со множеством дверей. Причем некоторые из них были приоткрыты.

И за той, в которую вошли мы все втроем, оказался цветущий сад.

А над цветами летали феи. Точно как в мультиках – человечки с ладошку размером со стрекозиными крыльшками.

– Любезная! – Лариса окликнула ближайшую феечку. – Ой, то есть любезный... Прощу, позовите, пожалуйста, Аю.

Мелкая фигурка, кивнув, исчезла, а несколько секунд спустя перед нами замельтешила почти в точности такая же. Впрочем, нет – эта уж точно была девушкой. Большеглазой и прехорошенькой – фейка походила на фарфоровую куколку.

– Бабуля! – радостно завизжала Аглая.

– Здравствуй, Глашенька! – радостно разулыбалась фея.

– Елизавета Игоревна! Вы не могли бы уделить нам минутку? – Как ни странно, обращалась Лариса, похоже, именно к фее.

– Ну чего тебе, вертихвостка? – отозвалась та с такими сварливыми интонациями, что показалось, будто передо мной и впрямь старуха. Правда, со звонким юным голосом и крохотным, но явно молодым телом.

– В общем... познакомься, Лик. Это Елизавета Игоревна. Бабушка Аглаи. В нынешней жизни – фея Ая. В нашем мире она была...

– Старая я была, – ворчливо перебила ее фея. – А они и вовсе считали, что из ума выжила!

Кто такие “они”, Лика уточнять не стала. Родные, семья, близкие? Лариса и Аглая? Да, в общем... неважно, наверное.

– Вот... – невпопад продолжила Лариса. – Как-то так и получают вид на жительство в другом мире.

– Переселяясь в чужое тело?

– Не совсем... не чужое.

*

Разговор мы продолжили все на той же кухне. У меня в голове была такая каша, что я не могла даже сообразить, какие вопросы задать фее – и та, совсем невежливо сплюнув, уселась на плечо Аглаи, всем своим видом демонстрируя, что собирается пообщаться с внучкой. Зато стало понятно, в кого девчушка такая бесцеремонная.

В конце концов крестница увлекла меня на кухню, усадила за барную стойку и снова налила чаю.

– Каждая душа рождается и умирает бесконечно, – рассказывала она. – В разных мирах и временах. В следующей жизни ты можешь оказаться в викторианской Англии или в двадцать девятом веке, а можешь – в Хоббитании или Нарнии. Не только миры, но и времена пересекаются самым неожиданным образом. И если ты войдешь в одну из дверей в этом доме без меня, ты попадешь в тот мир, где твоя душа проживает одну из жизней – то есть в свою собственную прошлую или будущую судьбу. И окажешься в том теле, в котором должна прожить эту жизнь. Так Елизавета Игоревна стала феей Аей.

– То есть... я получу другое, здоровое тело – и целую жизнь впереди?!

– Ну... в целом, да. В общих чертах. Но есть кое-какие нюансы. Во-первых, такие попадания всегда оказываются в критических моментах своих других жизней – таких, когда их нынешние знания и опыт могли бы помочь не совершить ошибку, сделать правильный выбор. Иронично то, что как раз свои знания и опыт они забывают при попадании... но не пугайся, не насовсем. Если я пройду в ту же дверь следом за тобой, я окажусь не рядом, но где-то неподалеку. Проход всегда открывается недалеко от попаданца. И как только я его найду и окликну по имени из этой жизни, он себя вспомнит.

– Как ты сможешь меня найти, если я буду выглядеть иначе и не буду помнить себя? –

Я решила, что думать о безумности всего происходящего буду потом. А сейчас стоит разобраться по существу. Может, конечно, у меня галлюцинации от обезболивающих, какой-нибудь индивидуальный побочный эффект. Но если это так, то ведь неважно, что я делаю в мире своего бреда.

А если все это – реальность, то стоит все выяснить досконально.

– О... ну, у меня в этом уже богатый опыт. В нашем штате есть даже детектив для розыска попаданцев-пропаданцев. И, кстати, если тебе понадобятся на новом месте услуги юриста –

Матвей сможет помочь. У него юридическое образование. Конечно, законодательство в каждом мире свое, и тебе в случае чего придется добыть свод местных законов, но разобраться в них без спецподготовки тебе все равно будет сложнее... Так вот. Мир в этом случае ты не выбираешь. И попадешь, скорее всего, куда-то, где другой тебе очень паршиво и в любой момент станет еще паршивее.

Я только криво усмехнулась. Паршивее, чем сейчас? Вряд ли!

– И еще что важно. Ты не займешь ничье место! Это будешь именно ты. Твое другое тело, твоя другая жизнь. После того, как я тебя найду, у тебя будут воспоминания обеих твоих личностей. Но со своим нынешним опытом ты сможешь изменить ту свою жизнь к лучшему – принять правильное решение, повлиять на что-то. При этом ты сохранишь связь с нашим

миром, сможешь видеться со мной или с кем-то еще, кому готова довериться, или передавать весточки родным.

– А если – ну вдруг! – мне там не понравится еще больше, чем здесь?

– Ты можешь вернуться. Только здесь ты снова станешь собой нынешней, вернешься в свое умирающее тело. Умрешь в свой срок, заново родишься, возможно, в той самой жизни, которая тебе так не понравилась, только без своей нынешней памяти, и проживешь ее... ну, как получится, так и проживешь.

Я прикрыла глаза. А, в конце концов, что мне терять?

– Ясно. Я готова. Что я должна делать?

*

– Знаешь, Лар, я как-то иначе представляла себе путешествие мечты!

Я смотрела на крестницу, и мысли в голове сталкивались друг с другом. Гарем, надо же! Такое мне и в голову не пришло, когда я думала о жизни в другом мире.

Мне! С семнадцати лет жившей самостоятельно, всегда гордившейся своей независимостью! Да, в конце концов, просто женщине из двадцать первого века – в гарем?!

– Ну, – Лариса философски пожала плечами. – Во всяком случае, сейчас ты молода и здорова.

Схватившись за голову, я плюхнулась на ближайший пуф. Чего-чего, а пуфов, кушеток и оттоманок со множеством подушек здесь было хоть отбавляй.

Лариса, недолго думая, прилегла полубоком на одну из оттоманок.

– Как ты меня нашла? – почему-то именно этот вопрос пришел в голову первым.

Крестница пожала плечами.

– Это было не так уж сложно. Дверь в мир открылась неподалеку от твоего дома. Матвей сразу пошел искать в окрестностях бордели... что?! Мы искали девицу в беде. Нужно было выяснить, не появлялись ли там недавно новенькие. Вполне вероятный “критический момент”. А я пошла расспрашивать о новых наложницах в богатых домах поблизости. И в третью очередь мы стали расспрашивать о девушках, которых совсем скоро отдадут замуж – тоже очень возможный сценарий. А окончательно я убедилась, что ты – это ты, – тут она лукаво улыбнулась, – когда ты взвилась, услышав свое полное имя.

Хм... в самом деле. Мать наградила меня именем Анжелика, и кто бы знал, как меня всегда это бесило. Звучит как “звезда сельской дискотеки”. Или это только мои личные ассоциации и тараканы в голове. Во всяком случае, я всегда представлялась просто Ликой. И даже по имени-отчеству предпочитала называть себя Ликой Романовной. Надо же, кто бы мог подумать, что и в другой жизни у меня будут похожие проблемы.

Проблемы? Ха! Вот перспектива стать чьей-то там младшей женой – это, пожалуй, проблема.

Хотя...

Я посмотрела на свои руки. Гладкая, чистая молодая кожа. Не иссушенная до прозрачности. Тонкие изящные запястья – но не худые от болезни.

Прислушалась к своему телу. Как же давно я не ощущала этой звонкой энергии, когда все тело поет, готовое двигаться и жить! Как давно я забыла, как прекрасна жизнь, когда – просто ничего не болит...

Я встала и подошла к одному из зеркал – их здесь тоже было предостаточно – чтобы придирчиво себя рассмотреть. На мне была просторная хламида в пол, какие носят внутри родного гарема девушки на выданье. Впрочем, я прекрасно помнила свое – в этой жизни – юное тело.

Лицо сердечком, большие темные глаза, опущенные длинными густыми черными ресницами. Четко очерченные брови вразлет, с заломом у самого кончика. Яркие алые губы, не нуждающиеся в помаде.

И волосы! Густые смоляные волосы ниже талии, сейчас – заплетенные в свободную сложную косу.

Я зачарованно подняла руку, чтобы прикоснуться к своим волосам.

...Наверное, тогда, когда увидела клочья собственных волос в руке после очередной “химии”, я осознала свою болезнь окончательно. Носить парики не хотелось. Некоторые мои знакомые по отделению гордо ходили с лысыми головами, не обращая внимания на чужие взгляды. Другие наоборот – будто питались чужой жалостью и сочувствием. А одна носила яркие разноцветные парики. Я так не смогла. Появлялась на улице только в шляпках или сложно завязанных тюрбанах на голове.

Дернула себя за выбившуюся из косы смоляную прядь. Мои волосы! Мои!

Да уж, внешность мне здесь досталась яркая. Женихи, небось, в восторге будут...

Да и плевать на них!

– Расскажи-ка мне еще раз, – не отрывая взгляда от отражения, попросила я. – Что будет, если я здесь останусь, и если я уйду.

– Если останешься – все просто: ты можешь попытаться изменить свою нынешнюю судьбу – как Нилы. Раз ты сюда попала, значит, ты можешь это сделать. Если уйдешь... с тобой все будет как было, если бы ты сюда и не приходила.

– А с Нилой? У нее останутся мои воспоминания?

– Останутся. Но... Вот скажи – сейчас ты ощущаешь себя скорее Ликой, чем Нилой, хотя помнишь обе жизни, верно?

Я пожалала плечами.

– Конечно. Это ведь естественно. Я элементарно прожила дольше. Переживания семнадцатилетней девочки могу уже воспринимать со стороны и не отвлекаться на них.

– Вооот. А если ты уйдешь, она будет все помнить, но – именно как прошлую жизнь. Где-то далеко. А сама она – все та же юная Нила. Ее личность сформировалась в местных реалиях. Она считает гаремы нормой и даже не представляет, как можно пойти, например, против воли отца. Все твои знания у нее останутся, но не факт, что ей хватит решимости или душевных сил для каких-то серьезных действий.

– Понятно...

Я снова дернула себя за прядь волос.

Что ж, мне достались непростые вводные. Я не принцесса, не невеста какого-нибудь дракона и даже не студентка академии. У меня здесь нет почти никаких прав, я связана бесчисленными правилами и ограничениями.

И тем не менее, Лариса совершенно права – сейчас я молода и здорова. Впереди у меня – целая жизнь, которую однажды мне придется прожить в любом случае. И лучше сделать это по своим правилам.

Я, Лика Ведунова, хорошо знаю, что такое настоящая безнадежность. Я знаю, что действительно необратимо.

И я буду не я, если не переверну этот мир и не изменю свою судьбу. Я еще сделаю из этих лимонов пунш!

А значит – я остаюсь.

Глава вторая. Удобный кандидат

Я стояла в ряду таких же закутанных чуть ли не по брови девиц и гадала – как, интересно, женихи вообще должны нас оценивать?

Нет, на самом деле, конечно, лица у нас открыты. Но это и все! Волосы, фигуры – скрыты полностью. И все девицы стоят – глазки в пол. И лица-то у всех восточного типа, все темно-глазые и чернобровые. По мне так нас сейчас вообще поди различи между собой.

А этим... женихам – ничего, нормально. Разглядывают оценивающе. То есть, по-моему, реально прицениваются. Особенно вон тот жирный боров в белой чалме... И этот... бородатый козел с масляными глазками. Ой, то есть великий визирь.

С Ларисой мы договорились, когда и где сможем снова встретиться.

Ха! Да чтоб я еще жаловалась, что у меня вышло не самое удачное попаданство. У меня в новой жизни есть настоящий ангел-хранитель. Но я, пожалуй, не стану злоупотреблять ее помощью. Надо выкручиваться своими силами.

Итак... мне предстоит выйти замуж. В гарем. Чей – пока вопрос.

Покопавшись в памяти Нилы, я выяснила, что чаще всего вопрос о замужестве дочерей их отцы решают с будущими зятями. Девушек ставят перед фактом. Как и следовало ожидать.

Но есть и еще один вариант – тот самый, что предстоит мне. Специальные смотрины. Время от времени такие мероприятия устраивает тот или иной из великих домов, а то и сам халиф. Туда приглашают созревших, но еще не сосватанных девушек из хороших семей. И, конечно, приходят мужчины, которые не прочь пополнить свой гарем – ну или просто пообщаться и развлечься.

Честно говоря, развлечение из таких смотрин так себе. Это очень далеко от приема или бала. Для начала – никто там ничего не ест, поскольку мужчины и женщины едят отдельно. Ни о каких танцах тоже не может быть и речи – такие забавы, принятые в других странах, здесь считаются верхом неприличия. Ведь мужчина в танце прикасается к незамужней девушке, а то и чужой жене!

В общем, “женихам” просто представляют толпу закутанных по уши девиц, и... все. Дальше мужчины могут при желании пообщаться с кем-то из кандидаток – под присмотром старших женщин, конечно. И если девушка понравилась, ее отцу направляют предложение и согласовывают калым. Очень практично.

Впрочем, возможно, я несправедлива, потому что смотрю на все это действие со стороны, хм, товара. То есть девушки. Наверняка мужчинам, пока невесты не видят, подают какие-то закуски и напитки, а может, и развлекают танцами полуголых наложниц. Иначе зачем бы большинству из них ходить на смотрины?

Как бы там ни было, при первой возможности я предпочла улизнуть в сад. Девушкам разрешалось бродить там под присмотром, чтобы у мужчин была возможность с ними пообщаться. Конечно, за мной тенью следовала Зейнаб, но держалась на расстоянии.

О некоторых из мужчин, пришедших на смотрины, Зейнаб мне рассказывала, и кое-кого я даже взяла на заметку. Итак, мне нужно прямо сейчас выбрать того, кто лучше всего соответствует моим интересам. Да-да, и пусть они считают, что это они выбирают невест.

Вливаться в сложившийся гаремный коллектив – увольте. В идеале мне нужен мужчина, который вообще пока не женат. Таких здесь – раз-два, и обчелся. То есть, собственно, действительно раз-два. Юный сын советника ай-Джамалия, выбирающий первую невесту, и престарелый советник ай-Мируз. Пообщаться я планировала с обоими – пока не увидела их. Взгляд прыщавого напыщенного папиного сыночка сказал сразу уж слишком о многом.

Помимо тех, о ком я уже знала, меня заинтересовал мужчина, пришедший вместе с великим визирем Саидом ай-Джарифом. Выглядел этот человек... я бы сказала, по-европейски. Явно не местный. Лет тридцати на вид. Может, немного моложе. Одет он был в узкие бриджи и расшитый тесьмой голубой камзол – и уже своим нарядом выделялся среди вельмож халифата. А еще у него были светлые волосы и серые глаза.

Представили его как посла Вербинии Демьена ле Радена. Образование Ниле давали не самое широкое, но я все-таки смогла припомнить, что Вербиния – страна, с которой халифат не так давно поддерживает дипломатические и торговые отношения. А еще это страна, где не принято многоженство!

И что он забыл здесь, интересно? Интересуется местными обычаями или и впрямь приглядывается невесту?

В принципе, для меня это могло бы быть выходом. Не особенно хочется высказывать замуж на незнакомца, но в гарем не хочется еще больше. И, может, он сможет вывезти меня в Вербинию? Интересно, там разрешены разводы?

Словом, с послом мне хотелось пообщаться поближе. А вот от сопровождающего его визира, наоборот, стоило держаться подальше.

Этот выглядел немногим старше своего спутника – но он сильный маг, так что лет ему наверняка не 30 и не 35. Да и уж у кого-кого, а у великого визира гарем огромный. Да и в целом ай-Джариф – такой же индюк, как большинство мужчин здесь. Женщину за человека точно не считает.

Зато как счастлива была бы Зейнаб, да и Нилин отец, если бы удалось отдать дочь в гарем самого визира! Еще и считали бы, что я сама должна прыгать от радости. Все-таки не старик, а вполне привлекательный мужчина, к тому же богатый и статусный.

Нет уж, воздержусь от такого счастья.

Я шла по мощным дорожкам сада, с любопытством оглядываясь. Эти смотрины затеял сам халиф, так что не стоит удивляться такой роскоши, как настоящий сад при дворце. Местность здесь жаркая и засушливая, пустыня совсем рядом, и сады держат только самые богатые горожане. По стилю это больше всего напоминало Мавританию, пожалуй. Пышные пальмы и лианы в кадках, мощные мозаичные дорожки и площадки, витые решетки беседок... действительно красиво.

На очередном повороте я чуть замедлила шаг, услышав голоса. А потом, выглянув из-за пышных кустов в кадке, и вовсе предпочла скрыться за ней.

По дорожке неторопливо шествовали те двое, о которых я думала – визирь и его спутник.

А хороши оба! Темноволосый, пышно одетый визирь и блондин-иностранец смотрелись полными противоположностями друг другу. И в то же время было в них кое-что общее: высокий рост, широкий разворот плеч, гордая осанка.

Ай-Джариф, конечно, бородатый козел. В смысле, борода у него есть, а козел он по своей сути. Осматривая девушек, разве что зубы не просил показать. Спасибо, хоть не щупал – и то не ему спасибо, а местным обычаям.

Тем не менее, в некой мрачноватой привлекательности ему не откажешь. Слегка вьющиеся волосы до плеч, красиво очерченные губы, хищный нос. Породистое лицо.

Впрочем, у посла – не менее породистое, но совсем в другом роде. Этот гладко выбрит, волосы собраны в хвост до лопаток. К счастью, никакой пудры, париков и бесчисленных украшений. А по тому, как держится, ясно, что иметь дело с оружием для него привычнее, чем разводить политес. Движения резкие, решительные, выверенные, спина прямая. Даже странно – на военного он походил куда больше, чем на дипломата. Впрочем, скорее всего, в Вербинии, как и во многих других странах, обучение владению оружием и прочим военным премудростям просто входит в обязательный курс для всех молодых аристократов.

Разговаривали эти двое вполне дружелюбно.

– Это просто нелепо! – говорил ай-Джареф. – Одна жена на всю жизнь! Да еще без наложниц! Просто невысказано для уважаемого человека. А ведь она еще и состарится!

– Полностью согласен, друг мой, – усмехнулся его спутник. – Ваши обычаи мне по вкусу куда больше.

– И потом, я слышал, ваши женщины берут себе много воли. Даже осмеливаются спорить со своим господином! Говорю тебе, Демьен, выбирай любую из этих – и она будет скромно смотреть в пол и целовать тебе руки до конца жизни. Все эти девушки – из хороших родов, и не уронят твоей чести.

– Соблазнительно... но я, пожалуй, предпочту пока пользоваться услугами ваших прекрасных наложниц. Кстати, их наряды мне тоже нравятся куда больше, чем у этих закутанных девиц. Впрочем, когда и впрямь соберусь жениться – кажется, я уже знаю, где искать идеальную невесту.

– В таком случае должен тебя предостеречь – к девицам на выданье не следует прикасаться, если не хочешь...

Я отступила еще чуть глубже в тень. Что ж, будем считать, что Демьен ле Раден провалил собеседование на почетную должность моего мужа. Я точно не та жена, которая будет смотреть в пол и целовать руки, и если таков идеал посла – значит, послу не повезло.

*

Зейнаб, следовавшая за мной в паре десятков шагов, заметила мой маневр и покачала головой, но возражать не стала. На ее взгляд, мне стоило бы попытаться привлечь к себе внимание мужчин. Но здесь у меня есть железная отмазка – мужчины заняты беседой, влезать было бы нескромно. А скромность – наше все!

Так что я преспокойно дождалась, когда мужчины отойдут на безопасное расстояние, и продолжила свой путь.

Искала я вполне целенаправленно – видела, как интересующий меня объект выходил в сад в числе первых.

И вряд ли он забрел куда-то далеко – все-таки, хм... возраст.

Так что я заглядывала во все беседки с диванчиками, где вполне комфортно можно отдохнуть.

И я действительно в итоге его нашла – невысокого старика с серовато-седой клочковатой бородой и обширной лысиной, печально и одиноко сидящего на одном из таких диванчиков.

– Почтенный Ирмаин-ала, – я сложила руки перед грудью, склоняясь в положенном поклоне. Старик с удивлением поднял голову.

– Ты, кхм, заблудилась, красавица?

– Что вы! Я искала вас. Вы позволите предложить вам беседу?

Вот сейчас мой собеседник изумился по-настоящему. Но в стороне маячит Зейнаб, так что все приличия соблюдены – и я вполне могу предложить беседу и сама. Даже если это и считается не слишком скромным.

Так что я, не дожидаясь позволения, плюхнулась на другую сторону диванчика, и приступила к интервью.

– Ирмаин-ала, скажите, для чего вы пришли на смотрины? Вам ведь явно не хочется жениться!

Старик смерил меня чуть прищуренным взглядом – и неожиданно засмеялся.

– А вы, кхм, решительная девица! Не хочу... увы, кхм, кхм, но выбора у меня нет.

В разговоре он часто прочищал горло, будто приглушенно покашливал.

Ну надо же. Это у него нет выбора!

Ирмаин ай-Мируз, как мне удалось узнать у Зейнаб, был ученым-изобретателем. Гениальным, судя по всему, ученым. А еще – магом-артефактором. Собственно, женщины, видимо, особенно не интересовали его никогда, а сейчас уже и возраст не тот...

Все горе от ума. Слишком большого и слишком полезного.

Очередное изобретение великого ай-Мируза – дворцы-в-ларце – позволило поднять на недостижимую высоту уровень безопасности государственной казны и лично халифа. Это не говоря уже о комфорте этого самого халифа. А еще, поскольку секрет изготовления таких дворцов не разглашался, халифат стал торговать ими с соседними странами – за баснословные деньги.

А чтобы наградить артефактора за столь полезное изобретение, халиф решил приблизить ученого мужа к себе. Воистину, минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь. Халиф назначил ай-Мируза своим советником и личным артефактором.

И мало того, что теперь несчастный старик был вынужден принимать участие в дворцовой жизни вместо того, чтобы заниматься любимым делом. Так ведь еще и положение обязывает! А статус советника обязывает иметь приличествующий почтенному государственному мужу гарем. И халиф не раз уже пока мягко, но уже настойчиво намекал на это.

Вот и мается теперь несчастный дед. Даже на смотрины пришел. И если я хоть что-нибудь понимаю, гарем ему нужен приблизительно как рыбке зонтик. Вдобавок он совершенно не представляет себе, что с этим самым гаремом потом делать. Ведь женщин нужно размещать, кормить, одевать, решать возникающие споры... то-то у старичка с самого начала и вид такой, будто болят все зубы разом.

Зато выслушав его, я удостоверилась окончательно: это именно то, что мне нужно!

– Почтенный Ирмаин-ала, – вкрадчиво начала я. – Признаться честно, я тоже не хочу выходить замуж. Но мы с вами могли бы заключить соглашение. Вы возьмете меня старшей женой. Взамен я готова полностью взять на себя управление гаремом вплоть до набора в него жен и наложниц. От вас понадобится только оплачивать счета, – я отлично знала, что старик баснословно богат, так что надеялась, что счетами его не напугаешь. – Кроме того, при необходимости я могу взяться и за управление вашим дворцом, а также торговыми делами, связанными с реализацией...

Ну конечно, ученому недосуг самостоятельно заниматься реализацией своих изобретений, а ведь это золотое дно! Да, он богат и так, но ведь можно...

Я вдохновенно рисовала перспективы сотрудничества, а глаза моего визави округлялись все больше. В конце концов он закашлялся, а я только сейчас вдруг сообразила, как выглядит мой спич со стороны. М-да... все-таки я регулярно забываю, *кого* видят перед собой мои собеседники здесь. Точно не уверенную в себе бизнес-леди с двумя высшими.

– Юная... эрты, – запнувшись, он все-таки выбрал обращение, которое используют здесь для почтенных женщин – чаще всего старших жен. Реже – младших жен, но из гаремов очень уважаемых мужчин. – Откуда, кхм, такие мысли в вашей голове? И отчего вы полагаете, что справитесь, кхм?

Интересно, что он может предположить?

Ну... например, что деятельная девица ухитрилась просочиться в отцовскую библиотеку, начиталась “неженских” книг, нахваталась немного умных слов и вообразила себя образованной и умудренной опытом...

Кстати, “женская” литература здесь тоже есть. Даже любовные романы! Но со своей спецификой... Например, в местной версии “Золушки” козни бедной девице, приглянувшейся сыну халифа, строят не ее сводные сестры, а... жены ее возлюбленного. А помогают им его же наложницы. Само собой, наличие толпы жен и наложниц у влюбленного юноши не смущает ни самого юношу, ни героиню, ни автора романа. И в конце, конечно, вопреки всему сын халифа берет героиню в свой гарем и приближает к себе, сделав любимой женой. Хэппи энд, как бы

все счастливы. К гадалке не ходи, случись такое в реальности, остальные гримзы из гарема ее очень быстро бы сжили со свету. Хотя дальнейшая судьба героини после свадьбы и в оригинальной “Золушке” вызывает вопросы.

Впрочем, я отвлеклась.

Сейчас мне надо как-то заинтересовать этого старика. Пожалуй, это единственный мой шанс – выйти замуж фиктивно и вдобавок получить высокий статус и неплохие возможности.

– Я помню свою прошлую жизнь, – выпалила я. – Я жила в другом мире, там женщины могут работать, нет гаремов, а еще нет магии, зато очень развиты технологии...

Буквально в нескольких фразах я рассказала о своем прежнем мире и том, кем была я сама. Конечно, без подробностей о своем попаданстве – просто как память о прошлой жизни, которая проснулась у меня совсем недавно. Доказательства... вот с доказательствами все плохо. Как дать понять, что я все это не выдумала? А, похоже, никак. Мне просто или поверят, или нет.

Но ведь даже то, что я решилась на этот разговор – уже нетипично для местной девушки, не так ли?

А еще очень странно для семнадцатилетней девицы из всех присутствующих мужчин выбрать не самого красивого, а того, с кем можно договориться.

Между тем пауза уже затягивалась.

– Ты говоришь, кхм, странные вещи, юная эрти, – медленно, задумчиво произнес наконец ай-Мируз. – Возможно, кхм, кхм, ты даже безумна. Хотя... кхм. Что я теряю?

Внутренне я улыбнулась. Правда, к беседке уже спешила Зейнаб – наш разговор затянулся, говорить дальше будет уже неприлично.

Но дело сделано. Надеюсь.

– С ума сошла! – шипела Зейнаб уже увлекая меня прочь по дорожке. – Нашла на кого вешаться! Если на тебе и женится почтенный советник, ты вернешься к нам очень скоро, и тогда сбыть тебя снова будет не так просто!

– Матушка, – я постаралась кротко улыбнуться и изобразить почтение. – Может, вам стоит снова немного отстать? Вдруг со мной пожелают поговорить и другие женихи?

Увлекала она меня как раз в ту сторону, куда ушел визирь со своим приятелем. А встретиться с ними мне вовсе не улыбалось.

Зейнаб с шипением втянула воздух сквозь зубы, однако локоть мой все-таки отпустила – и действительно отстала на несколько шагов. Все-таки “сбыть меня с рук” ей очень хочется.

А меня переполняла радость. У меня уже почти все получилось! Хотелось подпрыгивать и радостно хохотать. Или просто вести себя бесшабашно и чуточку по-дурацки, как и полагается нормальной семнадцатилетней девушке.

Нормальной девушке в нормальном мире, конечно. А не там, где главные украшения девицы – скромность и серо-буро-козявчатый балахон.

Хм, гормоны мне в голову бьют, что ли? А и плевать!

Я прибавила шагу, постаравшись максимально увеличить разрыв. И на очередном пересечении дорожек повернула, оглянулась – Зейнаб меня пока не видно – и нырнула в кусты, тотчас упав на четвереньки и постаравшись полностью скрыться за кадкой.

Зейнаб, завернув за угол, приостановилась, озираясь. А потом что-то прошипела сквозь зубы – и припустила по дорожке вперед.

Тихо хихикая и не вставая, я чуть попятилась на коленках – и ударились обо что-то ногой. Дернувшись, столкнулась с невидимой преградой еще и задом – и резко обернулась.

Я находилась на крохотном треугольном пятачке, укрытом с двух сторон кустами на обочинах дорожек, а с третьей – увитой розами стенкой пустой беседки. И на этом пятачке я была не одна.

Задом ко мне и точно так же повернув голову, на четвереньках стоял посол Вербинии Демьен ле Раден собственной персоной.

*

Сложно сказать, кто из нас двоих изумился больше. Во всяком случае, его брови уползли куда-то, по-моему, в район затылка. Подозреваю, что мое лицо в тот незабываемый миг было не менее выразительным.

Это мы с ним столкнулись... кхм. Мда, вот когда подхватишь привычки будущего мужа.

– Что вы здесь делаете?! – зашипела я. Ну в самом деле – он же меня демаскирует!

– А вы? – парировал он, все-таки разворачиваясь и усаживаясь прямо в траву.

– Я – прячусь! У меня тут старшая матушка! – я повторила его маневр и уселась. Все же разговаривать, стоя на четвереньках задом к собеседнику, немного... неоднозначно. Надеюсь, на моем серо-буром балахоне пятен травы видно не будет. А вот посла с его голубыми бриджами точно ждет неприятный сюрприз!

– А у меня – дружелюбный визирь! – закатил глаза ле Раден. – Признаться, не ожидал, что в местных кустах меня могут атаковать столь неожиданным способом.

Он демонстративно чуть скособочился и потер филей.

– Ой, не делайте вид, что я вас ушибла! Скорее уж наоборот! Это у вас костлявый зад! – выпалив это, я тут же захлопнула рот, соображая, насколько уже выбилась из образа скромной местной девушки.

Собственно, такое поведение и на меня-то не слишком похоже. Я же рассудительная, всегда сначала думаю, потом говорю, и вообще... ай, да какая разница! Я этого человека вижу, скорее всего, в первый и последний раз. Лишь бы не выдал меня.

Само собой, я не успела прочувствовать, костлявый у него там зад или не очень. Но гадость сказать почему-то очень хотелось!

Кажется, посла мне удалось деморализовать. Во всяком случае, несколько секунд он просто глотал воздух, а потом – похоже, решил начать светскую беседу. Ага, сидя в кустах. В любой непонятной ситуации затевай светскую беседу.

– На редкость скучные у вас тут развлечения, должен сказать...

– Это вы мне говорите?! – признаться, я как раз на светскую беседу была не слишком настроена. Мне бы чуть время потянуть. Скоро сигналом всех оповестят о завершении знакомств, все соберутся, будет объявлено о первых предварительных договоренностях... и можно будет наконец поехать домой! – Вас-то наверняка хоть покормили...

– О... если бы я знал, что удирая, встречу в кустах столь очаровательную и голодную незнакомку, непременно бы что-то для вас прихватил. Но увы, – ле Раден театрально развел руками, едва не задев при этом мое плечо. Все-таки места здесь определенно маловато для двоих.

– Держите свои руки при себе, – прошипела я. – Вы в курсе, что ко мне нельзя прикасаться? Если бы это увидела старшая матушка...

– Да я вас и пальцем не тронул!

– О, пальцем-то – конечно! Только своим костлявым...

– Не костлявый у меня зад! Хотите, покажу? – мужчина демонстративно схватился за завязки бриджей и даже чуть привстал. Только стриптиза мне здесь не хватало!

– Только попробуйте! – я ласково и хищно улыбнулась. – Я позову старшую матушку. Я буду опозорена, а вам как честному человеку придется на мне жениться. В принципе, так меня тоже все устраивает. Увезете меня в Вербинию...

– Я не согласен, – быстро проговорил посол. – И вообще мне представляли местных девушек совершенно иначе...

– Воооот, – удовлетворенно протянула я. – Поэтому держите свой костлявый зад при себе!

– Определенно, жену я буду искать где-нибудь в другом месте... – пробормотал ле Раден.

– Это правильно, – покивала я. – В кустах жен вообще лучше не искать...

В этот момент колокольчик, укрепленный над входом в беседку рядом с нами, мелодично звякнул, а затем залился целой трелью. Как и все многочисленные колокольчики в парке.

– Что это? – ле Раден заозирался.

– Это, – я солнечно улыбнулась, – сигнал к моей новой жизни! Можно выбирать. Надеюсь, сейчас у отца попросят моей руки.

– О... что ж, желаю счастья и... эмм... побольше детей.

– Вот это вряд ли, – я пожала плечами и на секунду мне стало грустно. Неужели действительно и в этой жизни будет так? Впрочем, проблемы надо решать поочередно.

А пока – вперед, к замужеству!

Глава третья. Штатный минимум приличного гарема

– Будь проклят тот день, когда я согласился на эту авантюру! Ты сведешь меня с ума, женщина!

Почтенный Ирмаин ай-Мируз схватился за голову и даже картинно покачнулся, а затем дернул себя за и без того жиденькую бороденку.

Я неумолимо нависала над ним с блокнотом и угольным карандашом наизготовку, задавая все новые уточняющие вопросы.

А что? Мне надо составить предварительную смету, расставить приоритеты, определить первоочередные задачи, начать планировать бюджет, заняться подбором кадров, в конце концов... то есть жен и наложниц, конечно.

Кстати!

Я вывела на отдельном листке заголовок “Штатный минимум” и жирно подчеркнула.

– Давайте еще уточним штатное расписание, Ирмаин-ала, – посмотрела в округлившись глаза старика и вздохнула. – Сколько в гареме должно быть женщин? Минимум. И список требований к ним.

– Не меньше трех-четырех жен, кхм, – обреченно вздохнул мой новоявленный супруг.

Я сделала пометку и деловито уточнила:

– Все высокородные?

– Необязательно. То есть лучше бы да, но, кхм, в младшие и любимые жены порой берут низкородных девиц с приданым. Требования... Кхм. Чтоб не скандалили и не отнимали мое время. Наложниц – не меньше пяти-шести. Им достаточно быть, кхм, красивыми, чтобы не позорить меня. Выберешь на невольничьем рынке. Евнухов подберешь там же.

Я поперхнулась. Ох ты черт... вот об этой детали я и запамятовала.

– На первое время, кхм-кхм, хотя бы два-три, а дальше посмотришь сама.

– Ага... перейдем к должностным обязанностям. Что должны делать жены, наложницы и евнухи? По пунктам, пожалуйста.

– Жены... от жен ничего не нужно. Просто пусть меня не трогают. Евнухи будут прислуживать и охранять вас. Сопровождать при выходах в город. Наложницам придется иногда развлекать гостей. У меня могут останавливаться ученые мужи и приближенные халифа. Впрочем, гостей редко бывает больше одного...

Карандаш в моей руке чуть дрогнул.

– В каком смысле – развлекать?

Честно говоря, я, конечно, догадывалась – в каком. Это юная Нила не подозревала, почему некоторые наложницы в отцовском гареме ведут себя более вольно, чем другие. И куда они стайкой исчезают, когда приезжают гости. Самой-то Ниле вообще не полагалось знать об отношениях полов. Девушка на выданье из хорошей семьи должна быть чиста, в том числе и помыслами. Благо мое альтер-эго все-таки тоже любознательно, и я-Нила не раз прокрадывалась в библиотеку.

В общем-то, все оказалось предсказуемо. Как пояснил мне, поминутно покашливая, Ирмаин, наложницы пляшут и поют для гостей. А еще хороший тон для уважаемого дома – предложить гостю одну из наложниц на ночь.

Мда. Итак, мне нужно собрать пансион благородных девиц и мини-бордель в одном флаконе. Функции вверенного мне будущего гарема – в основном представительские. Будем поддерживать имидж ученого старика. Хотя я для себя уже наметила и кое-какие другие направления. Например, стоит заняться организацией быта во дворце, да и мои планы по реализации изобретений никто не отменял...

А пока – вперед, на невольничий рынок. Парочку трепетных ланей – будущих младших жен поищем потом, это стоит делать вдумчиво. И лучше пока задушить свой внутренний протест против самой идеи рабства – это цинично, но такова жизнь в Зенаиле.

Если наложницы должны танцевать, нам обязательно понадобится хореограф – постановщик. Не помешает кто-то вроде штатной медсестры, хотя вряд ли среди здешних гаремных девушек найдется кто-то подходящий. Швея нужна обязательно. И, конечно, прислуга – во дворце работают всего несколько невольников, и большинство из них почти так же стары, как их хозяин. Неудивительно, что все кругом запущено. Свои роскошные и очень пыльные покои я уже оценила. Женскую половину будем приводить в порядок в первую очередь...

Продолжая делать для себя пометки, я отправила пожилого невольника за наемным портшезом. Вообще-то эрти моего положения полагается передвигаться по городу в гербовом портшезе своего дома, но Ирмаин никогда не заморачивался такими вещами, так что персонального транспорта у нас попросту нет. И мне пока тоже не до того.

Уже покачиваясь в портшезе, я отдернула шторку, чтобы полюбоваться городом.

Аифал – столица Зенаила – удивительно красив: белые дворцы с высокими шпилями и разноцветными куполами, кружева решеток и блики витражей, фантастические мозаики и широкие мощеные улицы...

Все это, конечно, если не удаляться от богатых кварталов, где обитает знать.

Невольничий рынок располагался на окраине города, а потому вид за окошком портшеза становился все более удручающим, а улочки – все уже.

Только отведя глаза от вида за занавеской, я осознала, что сломала карандаш.

Я так старательно настраивала себя на деловой лад и пыталась не думать о месте, куда еду. Потому что думать об этом было слишком уж жутко. Я вот-вот стану рабовладелицей!

Невольницы для развлечения гостей. Евнухи! Ох...

А ведь я сама могла оказаться здесь в роли рабыни. Мне безумно повезло. Что ж, кому много дано, с того и спрос выше.

– Я еду заниматься наймом персонала, – вслух пробормотала я, убеждая саму себя.

Пожилой невольник, выделенный мне в сопровождение, даже не дрогнул. Похоже, он еще и глуховат.

*

Невольничий рынок оглушал. Звуками – выкриками торговцев, стонами невольников, буйной торговлей и гомоном покупателей. Запахами – плотным духом притираний и благовоний, вонью немых тел и немного – резким металлическим запахом крови. Красками – пестрыми нарядами невольниц, как-то болезненно контрастирующими с серыми рубищами рабов. Попадались и обнаженные невольники обоих полов.

Рабы были... разными. Большинство – покорными, но и покорность не всегда одинакова. Были здесь те, кого удалось сломать – с тусклыми, ничего не выражающими глазами, механически выполняющие все, что им скажут. Были и те, что покорялись с радостью и сами старались привлечь внимание покупателей. Рожденные рабами? Может быть. Некоторые девушки соблазнительно танцевали или пели на специальных помостах, и никаких цепей на этих красавицах не было. Впрочем, куда здесь убежишь?

Были и непокорные – со спинами, иссеченными шрамами и свежими ранами от плетей, закованные в цепи по рукам и ногам.

В оковах, конечно, были только мужчины.

Хотя...

Я запнулась и замерла, во все глаза уставившись на прикованную к столбу рыжеволосую девушку. Не девчонка – лет, наверное, 25-27. Одета она была как наложница – в широкие

шальвары, кисейную блузу-гельмек и короткий жилет поверх нее. Однако смотрелся этот наряд на ней... чужеродно, будто с чужого плеча. Впрочем, так наверняка и было. Эта рыжая – точно не из здешних мест, и среди черноволосых и смуглых местных красавиц выделяется издалика.

А еще она скалится и время от времени пробует подергать цепь, проверяя на прочность. И на руке ее под прозрачной тканью при этом перекачиваются мышцы. Не чрезмерные, но – такие бывают только от долгих тренировок.

И из-под жилета видно, как по тонкой кисее рубахи предательски расплывается длинное кровавое пятно.

Непокорную рабыню секли.

Торговец рядом с ней выглядел озабоченным и не пытался привлечь ничье внимание. Впрочем, возле экзотической красавицы и без того останавливались. И наплевать, что лицо у нее перекошено. Вполне достаточно ее белой кожи, серых глаз и ярких волос.

Прищурившись, девушка смерила взглядом слишком близко к ней подошедшего мужчину – и плюнула в него, попав точнехонько по носу. И довольно усмехнулась.

– Простите, благородный господин! – тотчас кинулся к нему торговец. – Дикая совсем, поспешил я ее выставить...

– Ты за это ответишь, – процедил тот, утираясь рукавом.

Я шагнула вперед, не обращая внимания на оскорбленного покупателя.

– Сколько она стоит?

Торговец и покупатель разом обернулись ко мне, так же одновременно досадливо скривились – и тут же снова отвернулись.

Эх... не представительный у меня вид. Мало того что выгляжу как девчонка, так и еще и наряд пока с девичьего не сменила. Кто ж меня всерьез примет. Надо бы заняться гардеробом срочно.

– Уйди, женщина, – небрежно бросил оплеванный.

Сдаваться так просто я, само собой, не собиралась. И неожиданно мне на помощь пришел пожилой слуга, что сопровождает меня – надо бы запомнить, как его зовут.

– Ты разговариваешь с эрти эр-Мируз, недостойный!

И снова – одновременный поворот двух голов и два шокированных взгляда.

Кто же не слышал о советнике самого халифа, почтенном ай-Мирузе?

А уж сплетни о том, что Ирмаин-ала наконец взял себе старшую жену, выбрав юный цветок дома Зени, не слышал в Аифале только глухой. Одни жалели меня – досталась старику. Другие завидовали – старик-то богатый, да еще приближенный к халифу!

– Простите, благородная эрти, – как-то заискивающе и даже слегка подобострастно проговорил оплеванный и, сложив перед собой руки, низко склонился. Стало противно. – Я никак не предполагал...

Не обращая на него внимания, я повернулась к торговцу и повторила вопрос.

– Сколько?

– Благородная эрти, – заюлил тот, – я бы не советовал... эту девку выставили на торг по ошибке. Ей следовало бы еще поучиться.

– Я хочу купить ее сейчас.

– Благородная эрти...

Захотелось даже ногой топнуть.

– Ты привел ее на рынок. Значит, она продается!

Нервно оглянувшись на оплеванного, торговец еще ниже склонился ко мне, обдав запахом застарелого пота и ароматных масел.

– Простите, благородная эрти, вам я скажу без утайки: я выставил ее так рано, потому что есть господа, готовые платить за таких немалые деньги... те, которым нравится...

Нравится ломать женщин самостоятельно, мысленно договорила я. Заводит сопротивление.

Главное – ничем сейчас не ударить торговца.

– Девка может быть опасна – продолжал горячо шептать он. – Из северных обученных наемниц, экое бесстыдство, там женщины могут брать в руки оружие...

Ух ты! Обученная наемница! С ума сойти.

Ну да, ну да. Женщина с оружием – бесстыдство, а торговать ей как товаром – это очень порядочно.

– Я ее забираю, – процедила я. – Сколько?

Девушка, молчаливо следившая за нами все это время, вдруг решила наконец открыть рот.

– Я все равно убью твоего господина, как только он ко мне приблизится, – прошипела она.

Я с любопытством наклонила голову.

– Да? А ты знаешь, что тебя казнят после этого?

– Надеешься избавиться от муженька моими руками? – ответила она вопросом на вопрос.

Торговец побледнел.

– Благородная эрти! Вы понимаете, я должен буду отписать почтенному ай-Мирузу о свойствах товара... – бедняга даже заикаться начал от ужаса.

– Отпиши, – я кивнула. – И назови наконец цену!

Спустя несколько долгих минут мы ударили по рукам. Рыжую отцепили от столба, и она с наслаждением принялась разминать плечи. Впрочем, на ее запястье уже защелкнулся одноразовый браслет подчинения.

Такие браслеты – одна из придумок местных артефакторов. К счастью, действие этой штуки недолговечно. Но в течение пары часов, пока браслет не разрядится, девушка будет слушаться меня беспрекословно. Только глазами сверкать ей и остается. Что ж, подстраховка, пожалуй, не лишняя. Объясняться будем дома, а пока мне надо, чтобы моя новая сотрудница не наделала глупостей. Например, не сбежала – все равно ее скоро поймают, и она окажется у того же столба.

Или не попыталась меня убить.

– И вот еще что... – я сделала вид, что раздумываю. – Мой господин очень ценит... экзотику.

Ох, надеюсь, вот об этом Ирмаин никогда не узнает!

– Если у тебя или кого-то другого из торговцев есть еще чужеземки – дай знать. Оплачу золотом.

Девушки, рожденные рабынями и смирившиеся со своей участью – это одно. Но чужеземки... уж не знаю, как они сюда попадают. Впрочем, предположить несложно. Рыжая определенно пленница, и ее историю я еще узнаю. И если я могу помочь еще кому-то здесь – я обязана это сделать.

Торговец пошлепал губами в задумчивости.

– Я расспрошу, благородная эрти. Товар редкий... – он угодливо склонился, снова сложив перед собой руки. Я небрежно кивнула.

– Хорошо.

Итак, по списку: швея, врач, хореограф, евнухи.

Мда, как-то я не с того начала. Определенно, ни рыжую наемницу, ни какую бы то ни было другую чужеземку я развлекать гостей не отправлю уж точно. Значит, мне нужна отдельная специалистка... скажем, по досугу. Аниматор для взрослых мальчиков, ага. Больше одного гостя все равно у Ирмаина почти не бывает.

Ну хорошо, чужеземок не отправлю. А кого отправлю? Честно говоря, с любой из невольниц выйдет... плохо. Даже если она сама будет не против, я никогда не узнаю, что у нее на душе и как ее для такой покорности ломали.

Может, мне нужна свободная?

В принципе, наложницы – далеко не всегда невольницы. Ирмаин просто подсказал мне самый простой и быстрый путь: купить сколько надо девушек на рынке. Но многие небогатые семьи охотно отдают своих дочерей в гаремы – для них это означает сытую и обеспеченную жизнь. У наложницы, рожденной свободной, куда больше прав по сравнению с невольницей. Другое дело, что девушек опять-таки никто не спрашивает...

Опять ерунда получается.

Может, надо поискать специалистку в местном доме удовольствий? Наверняка там тоже много невольниц или проданных родителями свободных, но бывают ведь и исключения...

Да, свои бордели в Зенаиле, как ни странно, тоже есть. Память Нилы мало что могла подсказать мне на эту тему, но, насколько я понимаю, дома удовольствия обслуживают в основном не знатных господ, у которых есть собственные гаремы, а скорее представителей среднего класса – тех, у кого есть какие-то деньги, но нет возможности или желания постоянно содержать нескольких женщин. Может, еще и приезжие туда захаживают.

Только вот вряд ли благородная эрти может наведаться в дом удовольствий под благовидным предлогом. Ладно, об этом стоит еще подумать.

Я жестом подозвала своего невольника. Перед ним было неловко – мне представили всю прислугу разом, и никаких имен я, конечно, сразу не запомнила. Стоило переспросить еще по дороге, но мне как истинной дочери своего мира и своего времени хотелось прежде всего извиниться перед пожилым человеком за свою забывчивость. А здесь это не принято, он не поймет, если я стану расшаркиваться.

– Как твое имя? – негромко спросила я.

– Керим, моя эрти, – он поклонился почтительно, но без того липкого подобострастия, что так раздражало в торговце. Кажется, старый Керим даже относится ко мне чуть покровительственно – не позволит себе лишнего слова, но видит во мне юную девочку, которая нуждается в заботе. Что ж, это даже хорошо.

– Керим, мне нужно найти пару евнухов. Покажешь, где их искать?

– Да, моя эрти. Только... вы хотите приобрести уже оскопленных рабов? Евнухи обычно служат в гареме пожизненно. Заново на продажу их отдают, если евнух в чем-то провинился или имеет какой-то изъян. Но вы можете приобрести пару подходящих юношей. Оскопить их можно здесь же, на рынке. Это быстро – зельями и обезболивают, и заживляют сразу, так что после раб обычно сразу может идти. Я покажу вам, где проводят процедуру.

Я прикрыла глаза. Ну да... наверное, здесь это примерно как купить в рыбном ряду живого судака и отнести к ларьку в конце ряда, где за небольшую плату тебе этого судака почищают и выпотрошат. Очень удобно.

...Парнишку я увидела сразу. Он сидел у столба, но цепей на нем не было. Может, потому что с цепями было бы неудобно держать музыкальный инструмент – нечто вроде небольшой гитары без "тали", с чуть более длинным грифом. Танбур, выудила я из памяти Нилы. Кажется, на Земле тоже есть танбуры, только в них струн поменьше.

В отличие от мускулистых рабов, которые продавались как носильщики и работники, этот был одет – и шальвары на нем, и жилетка, правда, последняя на голое тело. А вот голова не покрыта. Лет ему, наверное, 17-18, если не меньше.

– Играй давай! – Торговец ткнул в парнишку длинной палкой, и тот, шмыгнув носом, принялся перебирать струны, наигрывая что-то тоскливо-заунывное.

А ведь музыкант тоже пригодится, пришло вдруг мне в голову. Танцующим красавицам нужен аккомпанемент.

Да и, если честно, просто жалко стало этого замурзанного мальчишку.

– Сколько? – коротко спросила у торговца. Тот пробежался по мне оценивающим взглядом и чуть заметно поджал губы. Впрочем, ответить все же соизволил.

– Два золотых.

– Сколько? – у меня едва глаза на лоб не полезли. Рыжую я купила за три, но то – иноземная диковинка, товар штучный. – За бесполезного мальчишку? За два золотых можно купить красивую невольницу!

Торговец безразлично пожал плечами.

– Смазливых мальчишек тоже берут неплохо. Не евнухом в гарем, так в дом удовольствий. Некоторым господам нравится. А этот еще и на танбуре играет, и поет неплохо.

Ммм, какие перспективы у парнишки вырисовываются! Прямо и не знаешь, что предпочесть, все так вкусненько...

Музыкант тем временем отчетливо позеленел и взял фальшивую ноту. Я поморщилась.

– Я его забираю. Керим, расплатись.

Если Керим и не одобрил моего выбора, то показывать этого себе не позволил. А торговец радостно потер руки – кажется, стоило бы все же поторговаться.

– Ваш господин не пожалеет, благородная эрти! А выхолостят вам его туточки, рядышком – воон где крыша зеленая...

Цвет лица моего нового приобретения, изначально вполне смуглый, уже практически сравнялся с той крышей. Мальчишка рефлексивно прикрыл танбуром то место, которым так дорожит большинство мужчин. Однако на его запястье уже защелкнулся браслет подчинения. Рядом скалилась рыжая, глядя на меня с ненавистью. Извини, милая, пока не до объяснений...

В небольшую будочку под зеленой крышей мы вошли все вместе – я, рыжая наемница, Керим и юный музыкант, дробно отстукивающий зубами.

Мясник – иначе мне его сложно назвать – сидел тут же, скупающе полируя свои инструменты. Одет он был примерно так же, как большинство торговцев здесь – в шальварах и халате из яркой, но недорогой ткани и небольшой чалме. Единственным отличием оказался широкий фартук на объемистом пузе. Неудобно, наверное, к “пациентам” наклоняться-то...

При виде нашей компании он расплылся в угодливой улыбке и безошибочно остановил взгляд на мальчишке.

– Благородной эрти угодно...

– Угодно, – прервала его я и обернулась к парнишке. – Как тебя зовут, кстати?

– Р-рами, – выстучал он зубами, едва, кажется, не прикусив язык.

– Возможно, благородной эрти стоит выйти на время процедуры, – мясник сложил перед собой руки. – Велите ему слушаться меня.

– Да, конечно... – я рассеянно осмотрела инструменты, среди которых особенно выделялись гигантские ножницы. Мда... интересно, их тут хоть стерилизуют? – Впрочем, я бы предпочла все проконтролировать. Раб новый, недешевый, мало ли что.

– Как будет угодно благородной эрти... тогда пусть ваш раб снимет шальвары и сядет вот сюда, разведя ноги...

Мальчишка покрылся испариной. Ну же, дурачок, отойди от меня, мне нужно, чтобы мясник к тебе отвернулся...

– Рами, поставь танбур у стенки и выполняй!

Не подчиниться скованный браслетом парень не мог. Так что он пристроил музыкальный инструмент и сделал шаг к высокому стулу, на ходу спуская шальвары...

Чтобы в следующую секунду грохнуться в обморок.

О черт. Только этого мне не хватало. Значит, теперь быстро.

Мясник как раз повернулся на грохот и собрался, кажется, что-то говорить.

Я резко вскинула правую руку, выставив вперед средний палец, на котором красовалось кольцо с крупным изумрудом, и быстро прикоснулась им к затылку местного “работника”. Тот на мгновение замер – и сполз на пол следом за Рами.

Вот так. Вот это самое тебе, а не калечить мальчишку.

Разумеется, Ирмаин не мог просто так отправить меня в окраинные районы в сопровождении одного только пожилого невольника. Мой муж, конечно, стар, но из ума уж точно не выжил. Так что все пальцы у меня были унизаны кольцами с ооочень непростыми свойствами. В основном – для самозащиты. Убить ни одним из них нельзя, но вывести из строя даже нескольких противников вполне возможно.

Изумруд на среднем пальце был добавлен в последний момент. Недоработанная модель, как пояснил мой новоявленный муж. Чтобы артефакт сработал, надо прикоснуться им к голове человека. Непрактично. Зато уж если получится, то результат такой, что любо-дорого – жертва не только мгновенно вырубится на ближайшие 15 минут, но и не сможет потом вспомнить, что с ней было в предыдущие полчаса. Так что – все видели, как мы входили в будку и выходили из нее. А что местного работника сморило в такую жару, никто и не удивится. Для него этот день будет мало отличаться от всех прочих.

– Теперь быстро! – я развернулась к рыжей. – Как тебя зовут?

– Джарис, – как-то чуть заторможенно ответила та, кажется, пытаюсь осмыслить происходящее.

– Джарис, мне нужна твоя помощь. Этого борова нужно оттащить на его место, будто он просто задремал.

Я тут же схватила “борова” за одно плечо, но меня уже ненавязчиво оттеснил Керим.

– Позвольте, я помогу, благородная эрти.

Не хотелось бы нагружать старика... но он прав, от меня помощи все равно будет немного. Джарис, в отличие от меня, выглядит тренированной и сильной, на нее вся надежда. Да и спорить особенно некогда.

Я слегка похлопала по щекам Рами. Черт! Что же с ним делать?

– Керим, а кровь здесь после... процедуры останавливают?

– К-конечно, эрти, – пропыхтел тот.

Хорошо! Значит, не придется изображать кровавые пятна на штанах. Да, штаны! Шальвары пора натянуть на законное место. Вот так.

Ах да, Керим ведь уже говорил, что все заживляют сразу...

Подошедшая Джарис – неужели уже управились? – легонько ткнула в бок бесчувственного парнишки носком тряпичной тувельки, хмыкнула, присела – и от души залепила Рами пощечину.

Тот слабо застонал и приоткрыл глаза.

– Уже... все? – едва слышно прохрипел он.

– Все, все, – пропела я. – Поднимайся!

– Я ничего не чувствую, – отрешенно сообщил мальчишка. – Так и должно быть? Наверное, теперь я никогда не буду ничего чувствовать...

Джарис закатила глаза и, подхватив Рами под мышки, рывком подняла его на ноги.

– Я больше не мужчина, – драматически прошептал он.

– Да на месте твое хозяйство! – не выдержав, рыкнула рыжая.

Мальчишка перевел с нее на меня недоверчивый взгляд, а потом, все так же опираясь плечом на наемницу, схватился за пояс шальваров и чуть оттянул его.

Наверное, такое лицо могло бы быть у истинного ценителя прекрасного, разглядывающего коллекции Эрмитажа. Просветление, восторг, восхищение, откровенное любование – все это было написано на чумазой мордашке Рами одновременно, пока он заглядывал в собственные штаны. Как будто ничего прекраснее в своей жизни он не видел.

– Ты перестанешь быть мужчиной, – скорректировала я, – если мы еще хоть немного здесь задержимся. Так что шевелись!

Быстро-быстро закивав, парень дернулся – и тотчас снова обвис на плече наемницы.

– Ноги не держат, – застенчиво сообщил он.

Джарис, не говоря ни слова, подхватила его поудобнее за талию и повела. С другой стороны подставил плечо Керим. Я возглавила процессию.

Ну а что... не все же выходят на своих двоих. У парня, в конце концов, шок! Так что проведенную процедуру подтвердит потом любой, кто видел, как мы выходили. И никто к нашему новому евнуху и его пребыванию в гареме не придерется!

– Танбур! – простонал мальчишка уже на выходе, и Керим, как-то обреченно вздохнув, подхватил инструмент.

Что ж, наш гарем состоит уже из одной жены, одной наложницы и одного евнуха. Будем считать, что начало положено!

Глава четвертая. У меня есть для вас вакансии

Поход по рынку вышел утомительным. Зато в течение следующего часа мой штат изрядно пополнился...

...Для начала – робкой (по крайней мере, на первый взгляд) девицей по имени Айсылу, которая продемонстрировала вышивку своей работы. Честно говоря, я всегда думала, что такое возможно только машинным методом. На платке, который продавец показывал с такой гордостью, будто выполнил его лично, раскинулось цветочное поле, где не то что каждый стебелек – каждая капелька росы была тщательно выписана тончайшими нитками. Любоваться на эту красоту можно было бесконечно, выискивая все новые детали. Как оказалось, Айсылу умеет не только вышивать, но и шить практически что угодно. Поистине бесценная сотрудница. Так что за нее я отдала золотой с легким сердцем.

И, пожалуй, это была мое единственное вполне здоровое и разумное приобретение.

Зато следующая покупка обошлась мне в несколько медяков. Крупный, явно сильный и тренированный мужчина, чья обнаженная спина была покрыта старыми шрамами и новыми ранами так, что на ней просто не оставалось живого места. Собственно, и отдавали его за бесценок – потому что толку от такого раба немного. Сильный, но слишком своевольный. Рано или поздно неизбежно заporоли бы до смерти.

Будем считать, что этого диковатого вида мускулистого дядьку я за его мышцы и присмотрела. В доме Ирмаина служат одни старики, а чтобы привести в порядок целый дворец, мужская рабочая сила точно понадобится. В евнухи-то такой точно уж не годится.

...И нет, это не потому, что мне стало его жалко!

...А третьим приобретением стал евнух. То есть – настоящий евнух. Ну... во всяком случае, я так думаю – в штаны ему не заглядывала, а когда общалась с торговцем, уже настолько морально вымоталась, что упустила половину из того, что он говорил.

Во всяком случае, глядя на Маруфа, в этом вряд ли кто-то усомнится. Уж очень он... своеобразный. Низкорослый, весь какой-то кругленький, но при этом двигается с такой невероятной пластикой и грацией, что выглядит это почти женственно.

Собственно, мне показали на него, как только я, дернув за рукав одного из торговцев, спросила о ком-то, кто способен научить танцевать. На очередном деревянном помосте, элегантно чуть отставив ногу, стоял кругленький толстячок. А когда я недоверчиво задала вопрос ему самому, он прямо на помосте исполнил изящное танцевальное па.

– Милая, – высоким голосом почти пропел он. – Я научу тебя танцевать так, что твой господин не захочет никаких других жен!

Торговец тотчас угрожающе щелкнул кнутом – все-таки ко мне, покупательнице, следовало обращаться почтительнее. Тем более невольнику!

Впрочем, толстячок почему-то совершенно не испугался. Как будто не верил до конца, что его в самом деле могут стегнуть.

И мне чем-то неожиданно понравился этот кругленький танцор. Интересно... он совсем не выглядит похожим на невольника. Как он здесь оказался? И кто он вообще такой?

– Милая, – шепнул он мне сразу, как только я расплатилась, – меня еще никогда не продавали с торгов! Это такой свежий опыт!

Я только головой покачала. Да уж... опыт. Ладно, разбираться со своими приобретениями будем дома.

Джарис и Рами все это время шли за мной следом и только недоуменно переглядывались с каждой моей новой покупкой. Разве что Айсылу, пожалуй, не вызвала особых вопросов. Кажется, оба пытались понять, что вообще происходит – и пока не находили ответа.

Керим не позволял себе и того – кажется, старик вообще ничему не удивлялся.

Собственно, я уже собиралась уходить – хватит на сегодня острых ощущений! Да и надо вернуться домой до того, как разрядятся браслеты подчинения. Там мы сможем поговорить спокойно, а до этого – кто знает, что способна вычудить та же Джарис, если ее не будут сковывать чары?

Мы пробирались к выходу с рынка, когда меня неожиданно окликнул смутно знакомый голос.

– Благородная эрти!

Я оглянулась. За мной, запыхавшись, бежал тот самый торговец, у которого я купила рыжую.

– Благородная эрти... вы хотели знать о чужеземках. У Фаруха есть одна – истинная жемчужина с волосами, как солнечный свет... если вы поспешите...

– Волосатая жемчужина? – я приподняла брови, и торговец поперхнулся. Ладно, взглянуть на эту жемчужину определенно стоит. Я решительно развернулась. Надеюсь, это будет недолго.

“Истинная жемчужина” действительно была блондинкой. Правда, волосы у нее оказались до того грязными, что определить оттенок не представлялось возможным. А еще она была зарезанной – настолько, что и возраста не понять.

Одета она была в практически такую же “униформу”, как Джарис. Но рыжая наемница, кажется, вовсе не обращала внимания на свой наряд. А вот незнакомка явно его стыдилась, пыталась сжаться и прикрыться хотя бы руками. Шальвары-то чем ей не угодили? Впрочем, может быть, в ее краях женщины просто не носят брюк?

В отличие от Джарис, эта диковинка опасной не выглядела – да наверняка и не была. А потому и торговля вокруг нее кипела нешуточная. Мужчины толпились вокруг, бесцеремонно разглядывая девушку на помосте.

Блондинка была выставлена на аукцион. И ставки все росли.

– Два золотых! – выкрикнул молодой голос.

– Три! – тотчас перебил пузатый господин в полосатом халате рядом со мной.

– Три с половиной! – послышалось после паузы.

– Керим, – я обернулась к своему слуге. – Сколько у нас осталось денег?

Ирмаин выделил мне немалую сумму с изрядным запасом и наверняка считал, что я вряд ли истрачу даже половину.

Ну... что ж. Как буду объясняться с мужем, я подумаю чуть позже. Наверняка смогу придумать здоровое экономическое обоснование. Впрочем, не уверена, что он вообще попросит у меня отчета.

– Семь, моя эрти, – почтительно откликнулся невольник.

Прекрасно.

– Семь золотых!

С первого раза меня не услышали. А может, просто не придали значения женскому голосу. Поэтому мой выкрик громко повторил Керим – и лишь тогда все обернулись. Невольник стоял, как и положено, за моим плечом – так что сомнений в том, кто истинный покупатель, ни у кого не возникло.

За семь золотых в окраинном районе Аифала можно купить дом. Пусть не самый богатый – но и далеко не лачугу.

– Отвяжите ее, – на этот раз мое распоряжение услышали. И после того, как Керим передал торговцу все наши деньги, девушку, продолжающую рыдать и, похоже, едва осознающую происходящее, подвели ко мне.

Ее как-то сразу подхватил Маруф – приобнял за талию и повел.

Уф-ф... ну теперь-то, надеюсь, все?!

– Идем, милая, – бормотал Маруф за моей спиной. – Вот так. Все позади...

А потом она вдруг упала.

То есть – не оступилась или споткнулась, а нарочно упала на колени. Кажется, она решила, что выкупил ее Маруф, так что и бухнувшись, девица ткнулась лбом в его ноги.

– Господииин! Умоляю, господин! Мой сын... ему всего пять лет!

Честно говоря, то, что последовало за этим, я помнила потом смутно. Когда я осознала, что пытается сообщить эта измученная... да нет, не девица – все-таки молодая женщина – у меня перед глазами упала кровавая пелена.

Где-то здесь, на рынке, продают пятилетнего мальчика, которого отняли у матери. Потому она и в таком состоянии.

Хуже того – из разговоров торговцев несчастная поняла, что такого маленького ребенка могут продать только в дом удовольствий – больше нигде малолетний раб просто не пригодится.

Я, кажется, думала слишком хорошо о домах удовольствий. Захаживают туда и любители разных... необычных ощущений.

В указанную часть рынка я неслась разъяренной фурией, не обращая внимания, следуют ли за мной все мои невольники.

К счастью, ребенок там действительно оказался только один. Не знаю, что бы я делала в противном случае. Денег у меня не оставалось – так что попросту швырнула в лицо торговцу одно из своих бесценных колец-артефактов и сгребла светло-русого пацаненка с помоста, не разрешив застегивать на нем браслет подчинения.

Кажется, средних лет женщину с непокрытой головой, которая как раз за него торговалась, я попросту снесла.

И пришла в себя, только когда услышала, как яркая темноволосая девица на соседнем помосте пытается уговорить эту женщину купить ее.

– Почтенная! Зачем вам этот маленький неумеха! Я умею все, ваши гости будут всегда довольны Заремой...

Местная бордель-маман хотела, кажется, устроить скандал – но, осознав, что перед ней благородная эрти, да еще с толпой невольников за спиной, предпочла быстро ретироваться. На девицу на помосте она едва взглянула – и только что не сплюнула.

Я наконец проморгалась – и осознала, что все еще прижимаю к груди ребенка и вот-вот задушу его. Пацаненок выглядел каким-то заторможенным. Не накачали ли его чем-то?

Сглотнув, я передала ребенка матери и подошла вплотную к помосту.

– Эй... Зарема?

Черноглазая красавица чуть нахмурилась и обернулась ко мне.

– Ты правда сама хотела в дом удовольствий?

– Конечно! – та даже ногой притопнула от досады.

– Но зачем?!

Девица снисходительно усмехнулась.

– Вы, эрти, в своих гаремах вовсе радости не знаете. Один мужчина на всех! Дай боги если раз за оборот луны к каждой заглянуть успеет.

– Но ты ведь понимаешь, что в доме удовольствий разные гости? Некрасивые, старые? Зарема только плечом дернула.

– Старички – милые. Так радуются, когда получается!

Наверное, я должна была бы быть шокирована. Но... здесь все странно. И радости в жизни местных женщин действительно не так много. Если эта девушка выбрала такие – не мне ее судить уж точно. Во всяком случае, сейчас передо мной... хм, профессионалка. Которая просто любит свое дело. И у меня для нее есть вакансия!

– Ее я тоже забираю, – я обернулась к торговцу и повелительно указала на Зарему. Мой перстень стоит уж точно больше, чем парочка рабов!

– Что?! – девица за моей спиной буквально завопила. – Нет!!! Я не хочу в гарем!!

Что ж, понимаю тебя, дорогая, хоть мотивы у нас и разные. Увы-увы, ни одной из нас никто не предлагал выбора.

Впрочем, надеюсь, нам с тобой еще удастся договориться.

... Вот так и вышло, что когда я наконец смогла снова расположиться на подушках в наемном портшезе, следом за ним топала целая вереница невольников. Мда, сама такого не ожидала. Надо как-то хладнокровнее, наверное. А то у меня не гарем выходит, а богадельня какая-то.

Хотя... я приобрела швею, охранницу, рабочего, музыканта, учителя танцев и “досуговую специалистку”. Вдобавок ухитрилась взять в наложницы классическое трио из блондинки, брюнетки и рыжей. Брюнеток даже две, и обе красавицы. Да сам халиф обзавидуется такому гарему! Разве что ребенок вызовет, пожалуй, неудобные вопросы. Я покосилась на пацаненка, задремавшего в портшезе рядом со мной. Ни к чему его видеть лишним глазам.

Потянулась к шторке, чтобы задернуть ее – и замерла.

Всадники в Аифале редкость – знать предпочитает передвигаться на портшезах, а простой люд ходит пешком. Однако сейчас с нами поравнялся именно всадник – и, скользнув взглядом по мне, вдруг придержал коня.

– Вы?! – кажется, от неожиданности господин вербинский посол почти забыл о вежливости. Впрочем, тут же и вспомнил. Сдернул шляпу – что в Зенаиле, кстати, не принято – и чуть поклонился в седле. – Прошу прощения, прекрасная эрти. Не ожидал увидеть вас вновь в таком месте и таком... окружении.

Его взгляд скользнул куда-то за портшез, и уголок губ чуть заметно дернулся. Я знала, что он видит: вереницу невольников, у каждого из которых вытянута вперед правая рука с браслетом подчинения – артефакты притягивают их ко мне, свежее испеченной хозяйке.

И в глазах посла, когда они снова остановились на мне, мелькнуло что-то похожее на... разочарование?

А я вдруг разозлилась. Что, не нравится видеть рабов вот так? У вас в Вербинии, я знаю, нет рабства.

Вот только помнится мне, вы, господин посол, совсем ничего не имели против услуг гаремных наложниц. Даже восхищались их нарядами. И как-то вовсе вас не волновало, по своей ли воле они вас убаживают.

Так что – пусть думает обо мне что хочет. Мое мнение о Демьене ле Радене тоже не слишком высоко.

– Я выполняю приказ своего господина, – сухо ответила я.

– Да, конечно... понимаю. Откровенно говоря, не ожидал и того, что ваш жених окажется таким...

– Таким уважаемым почтенным господином? – я вздернула брови. – Верно, мне необыкновенно повезло.

– Да... конечно.

О чем говорить дальше, он определенно не знал, и я, чопорно попрощавшись, все-таки задернула шторку.

Как-то неважно готовят дипломатов в Вербинии. Привык, наверное, что со встреченной знакомой стоит поздороваться и пообщаться. А то и пофлиртовать.

Я девочка взрослая, и чисто мужской интерес заметила еще при первой встрече. Но – нравлюсь я ему или нет, жениться он был не готов. А с замужними женщинами в Зенаиле мужчины не ведут светских бесед.

Интересно, он в курсе, что изменивших жен здесь казнят?

*

Успела! Порог дворца я переступила просто с невыносимым облегчением. Правда, окончательно выдохнула только когда последний из новеньких невольников вошел следом за мной.

Если бы браслеты подчинения начали разряжаться по дороге... не знаю, что бы я делала. Вообще-то обычно на невольничий рынок ходят в сопровождении нескольких крепких рабов, чтобы было кому в случае чего скрутить новичков. Но, во-первых, у нас таких рабов попросту в хозяйстве не водится... то есть не водилось до сих пор. Мой дорогой супруг не любит умножать сущности без необходимости и вообще предпочел бы довольствоваться малым. А во-вторых, Ирмаин рассудил, что я иду покупать всего лишь нескольких милых девушек, которые не станут пытаться сбежать или покалечить хозяйку.

Ну... его ждет сюрприз.

Или не ждет. Не уверена, что он станет интересоваться, кого именно я там приобрела.

Зато здесь, во дворце, мне не может угрожать никто и ничто. Просто потому что сам этот дворец – один огромный артефакт, созданный гениальным мастером. И что не менее важно – я уже вписана в настройки этого артефакта как хозяйка. Муж радостно поручил мне ведение домашнего хозяйства в полном объеме, а не только на женской половине. Всех возможностей этого невероятного дворца я пока не изучила – но и то, что успела узнать, впечатляет.

Своих новых работников я привела в малый круглый зал – на мой вкус, он куда уютнее парадного восьмиугольного. Конечно, как и везде, здесь было помпезно-пышно: мозаичные панно на стенах, колонны, арки, витражи, позолота, куполообразный потолок...

Зато вдоль стен располагались симпатичные диваны со множеством подушек.. На них-то я и указала своим невольникам.

– Присядьте все, будьте добры.

Невольники настороженно осматривались. Только блондинка решительно шагнула к одному из диванов и уложила на нем ребенка, которого я передала ей, как только вышла из портшеза.

– Тария, – окликнула я девушку. – Кстати, тебя действительно так зовут?

Имя мне назвал продавец, и я еще удивилась: оно оказалось похожим на местное.

– Да... – негромко откликнулась та и погладила по волосам спящего ребенка. – Тария.

Вот оно что! Просто другое ударение.

– Тария, с ребенком все в порядке?

– Думаю, да... спит. Они поили его чем-то.

Я стиснула зубы. Промывать желудок уже поздно, зелье давно всосалось в кровь. Что ж, надеюсь, ничего необратимого маленькому рабу дать не могли. В конце концов, им нужно было только чтобы он не хныкал и не кричал, но был жив и здоров.

– Ладно... я прошу всех сесть, – пришлось повторить.

Высокий мужчина, скользнув взглядом по дивану, покачал головой – и уселся прямо на полу, скрестив ноги. Его примеру тотчас последовал Рами, а затем и Айсылу с Заремой. Джарис с независимым видом плюхнулась на диван и тут же закинула ногу на ногу. Тария стеснительно присела рядом с ребенком. Толстячок Маруф пристроился на краешек дивана рядом с ней и сложил руки на коленях, как примерный детсадовец. Сама я осталась стоять, чтобы видеть всех сразу. Выступать перед аудиторией мне не впервой.

– Итак... прежде всего я хочу вам сказать, что вы попали в необычный дом. И гарем у нас тоже очень-очень необычный. Меня зовут Нила ай-Зени эр-Мируз, и я старшая жена почтенного Ирмаина ай-Мируза. Собственно, гарем пока состоит только из меня... ну и вас теперь. Кроме тебя, конечно, – я кивнула крупному мужчине. – Ты точно в гарем не годишься. Главное, что я хочу сказать всем девушкам – вас никто не будет использовать... так, как обычно используют наложниц.

– Что-о-о?! – Зарема даже едва не вскочила. Остальные девушки смотрели недоверчиво.

– Кроме Заремы, – поправились я. – Наш господин – человек весьма почтенных лет. Кроме того, он весьма занятый ученый, и гарем ему нужен только в силу статуса. Сам он не горит желанием вообще видеть женщин в своем окружении.

На очередное горестное восклицание своей досуговой специалистки я решила не обращать внимания. С ней придется потом побеседовать отдельно. Впрочем, как и со всеми. Пока у нас тут общий вводный инструктаж.

– Если кто-то из вас хочет сменить хозяина – только скажите об этом. Я готова продать любого из вас, кто сам того захочет...

Зарема уже вскинулась, так что пришлось поспешно добавлять:

– Кроме Заремы! Остальные – думайте...

– Мне плевать, кто называет себя моим хозяином, – мрачно буркнула рыжая. Блондинка Тария и вовсе неопределенно пожала плечами. Действительно, какая разница, если ты остаешься рабом?

– К сожалению, я не могу просто отпустить никого из вас...

Это была чистая правда. Увы, в Зенаиле не существует опции “отпустить раба”. Если кто-то попадает в рабство, то это – навсегда. Он может только менять владельца. Здесь не в ходу ошейники – невольников метят клеймами на тыльной стороне кисти. И обладателя такого клейма попросту не выпустят из халифата без хозяина. А если взять и отпустить раба на волю, его очень быстро снова поймают. И если собственник не найдется, то невольник снова отправится на рынок.

– Если у кого-то из рожденных свободными есть человек, который готов будет за вами приехать, вы можете написать ему. Я с радостью подпишу дарственную. С таким человеком вы сможете уехать из Зенаила – и ваше клеймо больше не будет иметь значения... Джарис?

Рыжая смотрела на меня по-прежнему недоверчиво, но теперь в ее взгляде было и что-то еще – изумление, настороженность, ожидание... надежда?

– Мне некому писать, – отрезала она. – Меня предали свои.

– Понятно... Тария?

– Я... нет. Мы плыли на корабле всей семьей. Моего мужа убили. Теперь мы одни, – как-то безучастно ответила девушка, продолжая поглаживать по голове спящего ребенка.

– Ясно. Маруф?

Толстячок вскинул брови и развел руками, будто недоумевая – кто рожден свободным? Я? Как можно такое подумать?

– Айсылу?

– Я родилась от невольницы, – подала голос вышивальщица.

– Рами?

Парнишка мотнул головой. Сирота, значит.

– А ты? – я посмотрела на мужчину. – Как тебя зовут?

Тот открыл рот, но первым издал какой-то сиплый звук, и лишь откашлявшись, смог произнести свое имя.

– Азат, – голос оказался скрипучим, как будто его обладатель очень долго не говорил. – У меня никого нет.

– Что ж, Азат, ты поступишь в распоряжение Керима – его ты уже видел. Будешь помогать во всем и выполнять его распоряжения. Только подлечить бы тебя сначала... не нравится мне твоя спина.

Азат недоверчиво нахмурился, но промолчал.

Ну да, не представляющих высокой ценности рабов обычно не лечат. Особенно от следов “наказания”. Предполагается, что все заживет само.

– Что касается остальных – надеюсь, мы с вами сможем быть полезны друг другу. Прежде всего, я выдам каждому из вас доверительный знак.

Айсылу распахнула глаза.

Невольники не могут владеть деньгами, и ни один торговец ничего не продаст рабу. Исключение – это слуги, которые, например, занимаются закупками для хозяев. Им доверяют деньги. А чтобы доказать, что имеют право тратить хозяйские деньги, такие невольники используют специальный доверительный знак.

– Айсылу, ты будешь шить и вышивать для нас. Если захочешь и будешь успевать брать заказы в городе – я возражать не стану. Деньги сможешь оставлять себе и тратить по своему усмотрению.

Казалось, еще больше глаза девушки стать не могли, однако это случилось. Сейчас она напоминала такую анимешную девочку с глазами на пол-лица.

– Благодарю, эрти! – прямо из своей скрюченной позы со скрещенными ногами она умудрилась бухнуться лбом о пол. – Вы не пожалеете о доверии, эрти!

Она стукнула лбом о пол еще разок.

Я поморщилась.

– Не советую, этот пол довольно давно не мыли...

Айсылу тотчас выпрямилась и уставилась на меня все теми же глазами – то ли аниме-девочки, то ли того самого ежика из анекдота.

Ох, воспитывать еще и воспитывать...

– Джарис, – я перевела взгляд на наемницу. – Можешь рассказать, для чего тебя нанимали раньше?

– В основном для охраны, как личного телохранителя, – она пожала плечами, и мне отчего-то почудилось, что девушка не договаривает. Наверняка было что-то еще. – Последний заказ был на охрану каравана.

Эти слова она почти выплюнула. Ага, видимо, на этом заказе рыжая каким-то образом и погорела.

– Я не могу стереть клеймо на твоей руке. Но я могу нанять тебя – по твоей специальности. Как мою личную телохранительницу. С той оплатой, к какой ты привыкла... хотя нет, размер оплаты мы обговорим отдельно, я пока не знаю твоего уровня и расценок.

– И зачем тебе это? – хм, интересно, она всегда “тыкает” заказчикам, или это мелкое хамство – своеобразный способ протеста? Впрочем, я тоже ей “тыкаю”, пусть и поневоле. – Я ведь твоя рабыня. Наденешь на меня новый браслет, велишь выпороть, и я без всякой платы никуда от тебя не денусь.

Я поморщилась.

– Браслет может заставить тебя ходить за мной и не причинять мне вреда. Поднимать руки и ноги по команде. Розги – подозреваю, что вообще ничего не заставят делать. Кстати, в этом доме не приняты телесные наказания. Но защищать меня по-настоящему ты станешь только по собственной воле. И для этого тебе нужна мотивация. Я предлагаю тебе ее – привычная работа, оплата, возможность тратить свои деньги и достойная жизнь. На женской половине этого дворца тебе никто не станет напоминать о рабском статусе.

– И что, доверишь мне оружие?

Хороший вопрос! Ясно, что от безоружного телохранителя толку не будет. Но вооруженная невольница рядом со мной может быть опасна для меня же. Весь вопрос в том, готова ли я ей доверять.

Но если я не буду доверять своим людям, то как они смогут доверять мне?

– Доверю, – решительно сказала я.

Несколько секунд Джарис разглядывала меня, как какую-то диковинку.

– Ты странная, ты знаешь?

Я усмехнулась.

– Даже не представляешь, насколько.

А еще одну долгую секунду спустя рыжая медленно кивнула.

– Я готова принести тебе клятву на крови.

Глава пятая. Будни совершенно нормального гарема

– Я не пойму – ты хочешь заниматься любимым делом или нет?! – свистящий шепот доносился из-за живой изгороди, и я с любопытством прислушалась. И что Зарема опять задумала?

– Конечно... – хм, а это голос Тарии. Интересненько. – Но... как же... а Нила...

– А она ничего не узнает! Мы же вернемся к вечеру. Она за своими бумажками вообще ничего не видит! Смотри – вот здесь в ограде есть просвет, там можно пробраться...

– А защита дворца?

– А защита никого без разрешения не выпускает. А не выпускать она не-пред-наз-на-чена! Так что вот. За твоим ребенком отлично присмотрит Айсылу. А мы с тобой тихонечко...

Я только глаза закатила. А переглянувшись со своей неотступной тенью – Джарис, усмехнулась в ответ на ее усмешку.

Айсылу, к примеру, совершенно спокойно и официально ходила в город с моего разрешения. Брала и отдавала заказы через небольшую лавочку неподалеку, которая благодаря ее трудам уже славилась на весь Аифал, кажется. Наряды с вышивкой от таинственной мастерицы хотели все – и даже чаще мужчины, чем женщины. Все-таки у свободных женщин в Зенаиле ограничен выбор фасонов и даже цветов, а вот мужчины, особенно знать, любят наряжаться павлинами.

Но Зарема, кажется, просто интереснее разводить таинственность. Узнав о том, что ей предстоит развлекать гостей дома, но ни одного гостя лично я во дворце пока не видела, девица буквально взвыла.

И тогда я “совершенно случайно” показала ей, как можно незаметно выбраться из дома. Все же я рассчитывала, что Зарема отнюдь не дура, и понадеялась, что убежать с концами она не станет. Побегает... и вернется во дворец с замечательными термами, бассейном и садом. Дворец, где у нее, наложницы, на женской половине есть даже собственная комната. Где ее чудесно кормят, а спит она на тончайших простынях. И где всех обязанностей у нее – утреннее общее занятие танцами с Маруфом.

Собственно, так оно и вышло. Зарема удрала в самоволку сразу после занятия – и вернулась спустя несколько часов с самым довольным видом.

Так с того дня и повелось. Насколько я поняла из оговорок и перешептываний девочек, наша “досуговая специалистка” сделала для себя удивительное открытие, что можно самостоятельно выбирать мужчин для знакомства и встречаться с ними бескорыстно – исключительно по взаимной симпатии. На свиданки она бегала, как на работу. Иногда ей делали дорогие подарки, но в целом она в самом деле просто занималась... ну да, любимым делом.

Интересно, она искренне считает, что я ни о чем не догадываюсь?

А вот Тария удивила меня в первый же день. Потому что когда она наконец слегка отошла от своего шокового состояния, то вдруг обратила внимание на раны Азата.

– Я могу помочь, – вдруг сообщила она.

– Умеешь обрабатывать раны? – конечно, я не могла не заинтересоваться.

– Конечно. Я врач. Окончила Таллийскую медицинскую академию. Женщин-врачей неохотно нанимают, но муж в меня верил... меня пригласили в одну лечебницу, в другом городе, туда надо было плыть морем. Он согласился переехать ради меня...

Девушка уронила голову, прикрыв глаза.

Тааак. Тут у нас, кажется, чувство вины во всей красе. И с этим придется работать.

Зато мне, кажется, невероятно повезло. Я думала о том, что стоит поискать кого-то хоть с минимальными медицинскими знаниями. Мало ли что может случиться! Но на такую удачу и

рассчитывать не могла. Случайно купить на рынке дипломированного врача – причем исключительно потому что она блондинка и, значит, явная чужестранка!

Так Тария начала заботиться об Азате. Специально для нее я заказала в местных лавках запасы трав, лекарств, перевязочных материалов и всего прочего, что может ей пригодиться, и выделила комнату под медицинский кабинет. Но когда раны на спине раба начали заживать – Тария вдруг затосковала...

...Клятвы на крови мне в итоге принесли все новые обитатели моего будущего маленького государства. Кроме Ники, конечно, – малыша Тарии, который проспал еще сутки, а потом проснулся вполне здоровым и зверски голодным.

К слову, сама Тария, когда пришла в себя, оказалась классической матерью-ехидной. То есть она безусловно любила своего ребенка и заботилась о нем. Когда вспоминала. Но, например, когда она занималась ранами Азата, отвлечь ее не могло ничто. И как-то незаметно половина забот о мальчике досталась Айсылу, которая буквально души в нем не чаяла.

Вообще-то я и сама знала, что в городе есть лечебница для бедных, и подумывала о том, чтобы предложить Тарии ходить туда. Конечно, вряд ли ее примут там как врача. Но сестрой милосердия – вполне, там и работают в основном добровольные помощницы из числа свободных девушек. И многие из них скрывают при этом лица под никабом – специальным головным убором, закрывающим все лицо, с прорезью для глаз.

...Но, конечно, интереснее убегать через щель в изгороди вместе с Заремой – чтобы заниматься каждой своим “любимым делом”!

– Эрти, я не могу работать в таких условиях! – ко мне, запыхавшись, подбежал толстячок Маруф, остановился и несколько секунд пытался отдышаться. – Этот маленький шайтан натер маслом полы в танцевальном зале! Я трижды сел на шпагат! Я прекрасно сажусь на шпагаты, но предпочитаю делать это изящно и с достоинством!

Я осторожно выглянула из-за живой изгороди. Тария, несомненно, слышавшая этот спич, втянула голову в плечи.

Я пожала плечами.

– Ребенку скучно. Надо бы его чем-то занять...

– Мне?! – Маруф выглядел шокированным.

– М-м-м... я подумаю об этом. Попроси Керима прислать служанку, чтобы помыла полы.

И... Тария!

Девушка вздрогнула.

– Возьмешь у меня платье и никаб – закрыть лицо. И не забудь про перчатки!

*

Брать Сафиру в свой уже вполне себе дружный и слаженный коллектив, в котором у каждого свое место, я точно не планировала.

Я вообще сразу решила, что подбирать младших жен нужно особенно тщательно. В конце концов, если мы не сработаемся с невольницей, как бы цинично это ни звучало, ее можно заменить. Перепродать, куда сама захочет, да и вся недолга. А вот жена – это уже насовсем. Разводы здесь... возможны, но только по инициативе мужа, и это такой позор для женщины, от которого она никогда не сможет отмыться. Вряд ли у меня хватит духу сломать кому-то жизнь таким образом.

Проблема оказалась в том, что с Сафирой это уже произошло.

Сафира приходилась мне-Ниле единокровной сестрой – дочерью Зейнаб. Она была на шесть лет старше, и замуж ее выдали, когда мне было десять. Из детства Нилы я помнила, что относилась она ко мне по примеру своей матери с прохладцей, как и ее родной брат Ильнар. От этих двоих мне не раз доставались тычки и щипки, когда никто не видел. К счастью, разница в возрасте оказалась достаточно велика, чтобы мы не пересекались слишком часто. Но когда

Сафира вышла замуж, я вздохнула с облегчением. Ильнар к тому времени тоже уже вырос слишком взрослым, чтобы ему позволяли появляться на женской половине.

Я сидела в своем кабинете – специально обустроила его себе для работы с бумагами – и пыталась разобраться, чем думал мой дорогой супруг, когда заключал договоры на производство и реализацию дворцов-в-ларце – его главного изобретения. По всему выходило, что не совсем тем местом, которое для этого предназначено.

За окном в саду что-то наигрывал на танбуре Рами. Парень сам сочинял песни и терзал струны буквально каждую свободную минуту. Где-то в отдалении визжал Ники. Хм, в фонтан его засовывают, что ли? Или это он кого-то засовывает?

– Я не могу работать в таких условиях! – это, конечно, Маруф. Сейчас пойдет искать меня, чтобы пожаловаться на очередную детскую шалость.

Может, завести для Ники какую-нибудь зверушку? Интересно, тогда они будут заниматься друг другом или проказничать на пару?

Я со вздохом подтянула к себе очередной лист.

Ох, дворцы-дворцы...

Дворец-в-ларце – это особый пространственный карман, привязанный к зданию. Еще на этапе строительства здания в его основание закладывается артефактная пластина. И выстроенный на ней дом, дворец или что угодно потом можно в одно мгновение свернуть вместе со всем содержимым в небольшую шкатулку. В доме могут даже оставаться люди – время, проведенное внутри ларца, для них как бы выпадает.

Для тех, кто может позволить себе такую роскошь, это означает, например, возможность путешествовать с собственным домом в багаже. Не останавливаться в случайных местах, а в любой момент где угодно развернуть родной дворец со своими термами, садом и даже слугами и гаремом в полном составе.

А еще это означает, что любую сокровищницу можно построить в мини-ларце размером с медальон – и носить ее при себе. Вся сокровищница Зенаила, например, теперь висит на груди самого халифа. И никто не может украсть из нее ни монетки – ведь халифа охраняют каждую секунду.

А поскольку разработка сразу была объявлена секретной, дворцы-в-ларце производят только в халифате. И богачи из других стран заказывают их в Зенаиле за невероятные деньги.

Нет, отчисления Ирмаин, конечно, получал исправно. Но большая часть прибыли – баснословной, сказать откровенно – уходила халифу. Изрядно наваривались и главы строительных артелей, и прочие мастера-исполнители.

Зато формулировки договора настолько туманны, что можно попробовать настоять на их пересмотре. Осталось только уговорить на это Ирмаина. Кажется, он с удовольствием и вовсе отказался бы от денег, если бы взамен его оставили в покое и позволили работать, не отвлекаясь на “всякие глупости”.

– Эрти, – в кабинет заглянула Джарис. – Керим говорит, к тебе пришла твоя мать.

– Что? – я едва не рассыпала бумаги. В первую секунду почему-то подумала о своей, земной матери. Тут же, конечно, вспомнила, что этого не может быть. Значит, пришла... моя здешняя мать.

Что ж, я давно не видела ее и действительно буду рада встретиться.

– Пусть кто-нибудь проводит ее в сад.

Дворец Ирмаина ай-Мируза был выстроен двумя изогнутыми симметричными крыльями – каждое со своими башенками, куполами, переходами и галереями: мужская и женская половины. А в пространстве между двумя почти смыкающимися крыльями и располагался сад. Не особенно большой, но в нем хватило места и для нескольких аллей, и для фонтанчиков, и для беседок. Вообще-то он тоже был разделен, но ни Ирмаин, ни слуги, за исключением садовника, в нем практически не бывали, так что сад целиком негласно стал “женским”.

Вспыхнувшая было радость мгновенно угасла, стоило мне выйти в сад. Увы, уже издалека я поняла, что визитом меня почтила Зейнаб, “старшая матушка”, а вовсе не моя кровная мать.

И что она здесь забыла?

За спиной Зейнаб маячила темная фигура, закутанная в плотную ткань с головы до пят. Само собой, недовольства я не показала.

– Матушка, – я коротко поклонилась, сложив перед собой руки. – Счастлива видеть тебя в здравии.

Жестом я пригласила гостью в беседку.

– А ты неплохо устроилась, – Зейнаб с каким-то недовольством озиралась, поджав и без того тонкие губы. Наверное, в юности она была красива – но я всегда помнила ее вот такой, с вечно недовольными складками у губ и глубокими морщинами между бровями.

Это что... зависть? Ну да, в гареме у отца такой роскоши, как сад, не было.

– Не жалуюсь.

Закутанная женщина в никабе вошла в беседку следом за Зейнаб и устроилась рядом с ней. Я решила ее пока игнорировать. Не представляют – значит, скорее всего, служанка.

Джарис, неотступно следующая за мной, встала чуть в стороне от входа в беседку – так, чтобы ей было хорошо видно все происходящее. Зейнаб косилась на нее с недовольством, однако возразить не могла – здесь хозяйка я.

С поклоном в беседку вошел Рами и поставил на низком столике поднос с фруктами и сладостями. Так же молча с поклоном вышел.

Вот и умница. Бурчать о том, что вечно его отвлекают, будет потом. При своих – можно. А чужим ни к чему знать, что евнухи у нас – сплошь творческие личности.

Что ж, будем считать, что все формальности соблюдены.

– И что же привело тебя ко мне?

– Я слышала, – неторопливо начала старшая жена моего отца, – твой муж дает тебе много воли и слушает твои советы. Даже отправлял самостоятельно выбирать невольниц для гарема.

– Мой муж занятой человек, – я кивнула. – Я стараюсь помогать ему всем, что в моих силах.

– А когда он намерен взять себе еще жен? Неприлично такому уважаемому человеку оставаться с одной женой...

– У тебя есть кто-то на примете? – я решила действовать напрямик. Иначе эти окольные расспросы могут продолжаться еще долго. А у меня дел невпроворот.

И Зейнаб уверенно кивнула.

– Сафира, – она обернулась к закутанной фигуре, и та, наклонив голову, стянула никаб. А затем посмотрела прямо на меня.

– Но... ты же...

Сказать, что я была шокирована – ничего не сказать. Сафира точно не стала вдовой – она была еще замужем, когда я покинула родные стены. То есть всего пару недель назад. И если бы ее муж умер, она все еще была бы обязана носить черно-белые траурные одежды.

И если она не овдовела, значит...

– Талак?

Сафира, сузив глаза, коротко кивнула.

Интересно, что же она такого натворила, что муж вышвырнул ее? Разводы – большая редкость.

Пожалуй, я была впечатлена – наглостью обеих. Женщина, над которой муж произнес талак – развод – возвращается в дом отца с позором. Если ее там, конечно, вообще примут. Если бы я вернулась с талаком, в лучшем случае Зейнаб отправила бы меня на самые черные работы...

А сейчас они сидят передо мной как ни в чем не бывало. И надеются, что устрою новый брак для опозоренной сестры?

– Ты высоко взлетела, но должна помнить, откуда пришла... – уверенно начала Зейнаб.

– Должна? – я вздернула брови. – Мой супруг отдал за меня богатый калым. Я принесла своему отцу почести и немалые деньги. Не думаю, что я что-то должна.

И она... опустила глаза. Помолчала.

– Ты изменилась...

– Просто немного повзрослела.

На 38 лет – не так уж и много ведь на самом деле, правда?

– Нила, – Зейнаб снова подняла на меня глаза. Ну надо же, она все-таки помнит, как я просила себя называть! То есть раньше она этого не делала специально, чтобы побесить? – Ей некуда больше идти. Твой отец... очень разгневался.

Еще бы!

– Прошу...

Ого! Честно говоря, не ожидала, что Зейнаб вообще умеет просить.

По-хорошему, выгнать бы их обеих в шею. За 17 лет жизни Нилы ни от одной из них я не слышала доброго слова.

Но... во-первых, правила разводов здесь страшно бесили меня саму. Какой бы ни была Сафира, такой участи она не заслужила. Не говоря уже о том, что за прошедшие шесть лет она могла и измениться. В конце концов, в детстве она просто копировала отношение своей матери.

И было еще одно обстоятельство...

– Сафира? А сама ты что думаешь?

Та чуть дернула уголком губ.

– Я пришла к тебе. Как просительница.

Ну да... наверное, она считает это унижительным для себя.

– Ты понимаешь, что здесь я – старшая, и здесь – мои правила?

– Понимаю.

– И..?

– Я буду тебя слушаться.

– Хорошо, – я снова обернулась к Зейнаб. – Пожалуй, я могу попробовать уговорить своего мужа. Но ты должна понимать, что опозоренную жену никто не примет без приданого...

Вообще-то ее и с приданым никто не примет, но не будем вдаваться в детали.

– Твой отец...

Я жестом остановила ее.

– Мой супруг – ученый муж. У отца, сколько я помню, очень неплохая библиотека, собранная еще его дедом... думаю, ее почтенный ай-Мируз сочтет достаточной компенсацией.

– Что?! – обе собеседницы изумленно вытаращились на меня. – Но...

– Библиотека или ничего, – отрезала я. Вообще-то у Ирмаина своя потрясающая библиотека. Но у отца действительно есть несколько настоящих редкостей, от которых мой дорогой супруг уж точно не откажется. – Ах да... вместе с Мариам, разумеется.

*

...В детстве – то есть в детстве Нилы, конечно! – я думала, что Мариам – это что-то вроде библиотечного привидения. Или какая-то нечисть. И боялась ее.

А еще меня пытались не пускать в библиотеку. Пугали: будешь много читать – станешь как Мариам!

Когда немного подросла, я узнала, что Мариам – просто девочка, всего на несколько лет старше меня. Рожденная одной из невольниц.

По сути, это значило, что мне она – такая же единокровная сестра, как Сафира. Только в совсем другом положении. Мариам, дочь невольницы, к настоящему времени давно и саму отдали бы в чей-нибудь гарем наложницей... если бы смогли ее поймать.

С самого детства она была немного странной – сторонилась людей, почти не разговаривала. А с тех пор, как научилась читать, и вовсе замкнулась в себе.

А однажды она пошла в библиотеку – и пропала там.

Ее долго искали. И даже слышали шорохи, звуки ее шагов. В конце концов, не так уж и велика библиотека рода Зени, чтобы даже очень маленькая девочка могла там потеряться с концами!

Но конкретно эта маленькая девочка, похоже, очень не хотела, чтобы ее нашли. Она виртуозно пряталась, будто растворяясь в пространстве, когда, казалось, до нее оставался буквально один шаг.

В гареме потом поговаривали, что в ней мог проснуться дар. В роду Зени иногда рождались маги – редко и не самые сильные, да и никто не слышал, чтобы стихийные проявления дара оказывались так причудливы. Но факт оставался фактом: все знали, что Мариам в библиотеке, но никто не мог ее найти.

Сердобольные служанки оставили тогда еды для ребенка на подоконнике. И все решили, что рано или поздно девочка сама устанет прятаться.

А она не устала. Шли дни, недели, месяцы... годы. Каждый день на подоконнике в библиотеке оставляли еды для Мариам. Время от времени ей приносили чистую одежду и постельное белье. Но увидеть ее с тех пор так никому и не удавалось.

Мне-нынешней все это напоминало традицию ставить блюдечко со сливками для домашнего. Вроде бы никто его не видел, но все твердо уверены, что он существует. Да и сливки ведь куда-то испаряются!

Зато очень скоро выяснилось, что “призрак библиотеки” может быть очень полезен. Если нужно было найти какую-то книгу – достаточно было вслух произнести ее название и отвернуться от подоконника, чтобы на нем оказалось искомое. Впрочем, если пристально смотреть на подоконник, книгу можно было найти потом на столе.

Со временем дошло до того, что можно было, зайдя в библиотеку, сказать вслух что-то вроде “хочу знать все о Вербинии” – и на подоконнике через пару минут оказывалась стопка из всех книг, где хоть как-то упоминалась Вербиния. Такой вот локальный Гугл.

Увы, в библиотеку вообще заходили не так уж часто. Поэтому я и не сомневалась, что отец легко отдаст ее, чтобы сбить с рук Сафиру и избавиться от пятна на репутации семьи.

Ну а Мариам... найти ее никто не может. Но если вынести книги – уверена, она сама пойдет следом! Наложница Мариам станет частью приданого “бракованной невесты” Сафиры.

И если уж я чисто по-человечески не могу пройти мимо и оставить в беде сестру, которая мне совсем не симпатична... то пусть будет рядом и та сестра, которая всегда на самом деле мне нравилась. Пусть даже я тоже ее никогда не видела.

Глава шестая. А в малом зале дуб зеленый...

Что меня всегда поражало в нашем общем муже – так это то, насколько он способен был не замечать ничего вокруг. Интересовали его всегда только его исследования и изобретения.

Вообще-то я очень уважаю увлеченных людей и профессионалов своего дела – независимо от специальности. Но оглядываться вокруг-то все равно иногда полезно!

Ирмаин страшно удивился, когда я сообщила, что дворец нуждается в уборке.

– Не может быть! – убежденно сообщил он мне. – Во дворце замечательные, проверенные уборочные артефакты. Прислуга за этим следит!

Я закатила глаза. Прислуга, ага. Керим, которому уже за семьдесят, и пара служанок немногим моложе него. Есть еще садовник и кухарка, примерно тех же лет, но, к счастью, пока вполне справляющиеся со своей работой, пусть и тоже не без помощи магических штучек.

– Ирмаин-ала, – я очень постаралась быть тактичной. – А когда вы в последний раз заряжали уборочные артефакты?

– Кхм...

– Кроме того, все наши слуги уже в годах...

– Чепуха! Никому из них нет и ста лет!

– Они не маги, – напомнила я со вздохом. Маги живут куда дольше неодаренных людей – даже если дара им достались какие-то крупницы. Сильных-то магов можно по пальцам пересчитать. Самому Ирмаину перевалило за триста. Но у обычных людей срок жизни ничем не отличается от земного. Так что мне и здесь, похоже, бонусов не перепало. Никаких необычных способностей у меня-Нилы замечено не было. Правда, девочек на наличие дара особенно и не проверяли. И этим тоже придется заняться... но не сейчас. Сейчас на повестке дня – уборка.

В общем, я сильно подозреваю, что наши слуги элементарно подслеповаты, вот и не видят ни пыли и грязи, ни обветшавших тканей.

– Кхм... кхм!

– На женской половине все еще хуже – вы зайдите, взгляните сами...

– Нет! – Ирмаин даже отшатнулся. – Зачем это мне... на женскую половину?

– Но там живет ваш гарем!

– Да! Вот именно! Там все эти, кхм... женщины!

Кажется, закатывание глаз становится моей привычной гримасой.

Зато у Джарис, которая, конечно, зашла в лабораторию Ирмаина следом за мной, лицо сделалось прямо-таки каменно-неподвижным. “При исполнении” – то есть всегда, когда мы не одни, она практически не выказывала никаких эмоций. Но сейчас я могла бы поклясться, что внутренне она демонически хохочет.

– Да, – мягко согласилась я. – Там женщины. Ваши наложницы – которые, кстати, все еще с вами незнакомы – и ваша новая супруга, видевшая вас только на церемонии. С которой вы сбежали, к слову.

– Она пыталась меня поцеловать! – негодуя пояснил старик. – Надеюсь, следующую ты, кхм, выберешь более осмотрительно.

– О... разумеется.

Конечно, Сафира сразу попыталась привлечь к себе внимание нового мужа. И совсем не такой реакции ожидала!

Вот и поди объясни теперь бедному старику, что с младшей женой ему, конечно, не повезло, зато наложницы у него – сплошь умницы и не полезут, куда их не звали. Да и ни к чему сюда кого-то звать...

Мастерская Ирмаина – единственное прямо-таки стерильно-чистое место во всем дворце, хоть и захламленное донельзя. Слуги сюда не допускаются – ведь они могут по незна-

нию тронуть что-то, чего трогать нельзя! Он и меня-то в свою святая святых пустил не сразу. Только после того, как убедился, что ни я, ни моя неотступная тень – Джарис не собираемся здесь даже шевелиться без спросу.

Зато посмотреть здесь было на что! Мастерская артефактора – самое удивительное место, которое мне доводилось видеть в Зенаиле. Со всех сторон что-то мельтешило, кружилось и шевелилось.

...Глобус на столе, над которым величаво плыли проекции облаков. Если хорошо приглядеться – лучше с лупой – можно рассмотреть точки кораблей в океане. А еще можно приблизить какую-то местность – и разглядывать, как со спутника, в режиме онлайн.

...Часы с деревянной танцовщицей, которая выбегала, чтобы отбить каждый новый час крохотным молоточком. Но иногда она засыпала, ленилась или капризничала.

...Расшитые бисером тапочки-скороходы, которые много лет стоят на полке и неустанно нетерпеливо притопывают.

...Экспериментальный почтовый ящик. Обычная магпочта способна отправлять бумажные послания, но Ирмаин давно пытался создать такой ящик, через который можно передавать полноценные посылки, образы или речь в записи. Я подкинула ему идею переговорника для разговоров на расстоянии – ну как же жить без телефонов! – и он забросил идею с почтой, сосредоточившись на новой. А ящик время от времени звенит и выплевывает из себя разнообразные предметы, которые когда-то неудачно пытался переслать артефактор. Или вдруг распахивает крышку и сообщает голосом Ирмаина что-то вроде “Попытка номер 39, использую ключ-слово и связку плетений на сырой магии...”

...Еще более экспериментальный коврик-самолет. Пока в модели размером с носовой платок. Вообще-то он мирно лежит на полке и ждет, когда мастер о нем вспомнит, но стоит случайно произнести в разговоре слово “вперед” или, например, “вниз”, как модель ковра соскакивает со своего места и принимается исполнительно носиться в воздухе. Недоработанная модель, сетует Ирмаин.

Таковыми предметами здесь были заполнены все мыслимые и немыслимые поверхности. Здесь непрерывно что-то шебуршало, стучало, а то и разговаривало, но для увлеченного своим делом старика только здесь было по-настоящему спокойно.

– Ирмаин-ала, – я была само терпение. Все-таки я старалась на него не давить – Ирмаин и так позволяет мне ну очень много. И даже отчеты по расходам, по-моему, не особенно проверяет. Святой человек! И практически идеальный муж в наших условиях. – Если вы зарядите для нас уборочные артефакты, то мы с девочками сами пройдемся по всему дворцу и проследим за всем.

– Что?! По всему, кхм, дворцу?! Они?! – у моего бесценного супруга сделался такой вид, как будто я предложила впустить в его дом орду диких варваров.

– Сюда никто не пойдет! Клянусь! И мы... мы будем ходить только когда вы здесь!

– Ну... – старик вздохнул и сморщился с самым несчастным видом. – Совсем ты меня заморочила. Ладно! Я и забыл, зачем тебя звал. Сегодня с визитом придет великий визирь. Кажется, ему не понравились те изменения, что ты предложила к договорам на мои артефакты. Вот зачем ты его злишь? Так хорошо все было. Меня не трогали... сама будешь с ним объясняться. Я вообще не понял, о чем речь. И организуй... что там требуется.

– Он будет у нас останавливаться?

В Зенаиле нередко даже деловые визиты специально планируют на вечер – чтобы гость остался ночевать. Таким образом он показывает свое доверие и уважение к хозяину и его дому.

Великий визирь Саид ай-Джариф – гость, которого хотели бы видеть под своей крышей многие. Хотя вот я бы с удовольствием от такой чести отказалась. Помню я, что он рассказывал о преимуществах зенаильских женщин.

– Возможно.

Оу... кажется, у моих девочек намечается дебют. И... мне срочно нужна Зарема! Надеюсь, она не удрала на очередное свидание?

*

– Это провал! Провал! Девочки не готовы! Прима пропала! Нас поднимут на смех! – Маруф трагически заламывал пухленькие ручки и страдал так картинно, что могло бы показаться, что он просто играет на публику.

Но я-то знала – он совершенно искренен. Просто привык драматизировать все, что касается его профессиональной сферы. А еще – в той среде, где он жил прежде, вести себя так, восклицать, картинно падать в обмороки и преувеличенно страдать считалось совершенно нормальным.

Маруф действительно родился в Зенаиле, был сыном невольницы и получил рабское клеймо с рождения. Вот только еще совсем мальчишкой его попросту проиграли в кости заезжему иностранцу.

Новый хозяин оказался главой театральной труппы, прибывшей в Аифал на гастроли. Что делать со своим новым приобретением, он совершенно не представлял, а потому просто отдал мальчишку своим актрисам и танцовщицам кордебалета – нянчиться. Нянчиться те, правда, не особенно-то и умели... После Маруф вместе с труппой уехал на родину своего нового хозяина – который хозяином, впрочем, вовсе себя и не считал.

Так и вышло, что Маруф буквально вырос на подмостках. В ранней юности и сам играл какие-то небольшие роли. Но настоящий талант у него оказался не к актерской игре, а к танцам. Увы, невысокий рост и не слишком удачное телосложение делали невозможной карьеру танцовщика-премьера. Зато учитель танцев и хореограф-постановщик из него вышел просто гениальный! Кордебалет под его руководством неизменно блистал и срывал море аплодисментов.

Вместе со своей труппой Маруф объездил полсвета и повидал, кажется, мир...

Вот только на самом деле театр и его служители – это такой отдельный маленький мирок. В нем бывают свои интриги, склоки и подковерные игры, но его обитатели, что называется, все “на одной волне”. И повсюду, куда бы ни приезжал, постановщик танцев общался исключительно с такими же творческими личностями слегка не от мира сего. И самой обычной жизни – попросту не знал. Обычные люди – они всегда были где-то там, по другую сторону сцены. В зрительном зале. И непременно – с цветами.

Свое рабское клеймо он с детства привык воспринимать как нечто вроде родинки. Жить же не мешает!

Однажды в разгар гастролей Маруфа вдруг осенила гениальная идея. Он придумал, как добавить изюминки, оживить надоевший, сотни раз отработанный спектакль, который давали уже много лет. Добавить несколько танцевальных сцен, в которых будут выражены все эмоции героев, кое-каких эффектов...

Увы, глава труппы не пожелал ничего и слушать. Зачем улучшать то, что проверено временем?

Слово за слово – и хозяин театра насмерть разругался со своим хореографом-постановщиком. Последний ушел, хлопнув дверью, и пообещав, что создаст свою собственную труппу – балетную! – которая будет блистать на лучших сценах мира.

Правда, с чего начать, Маруф совершенно не представлял.

Дело было в Селинтии, стране по соседству с Зенаилом. И отчего-то вдруг в голову Маруфа пришла “гениальная” идея – вернуться к истокам. Попробовать собрать свою труппу на родине. Из детства он очень мало что помнил, но совершенно отчетливо вспоминалось, как восхищался отточенными плавными движениями танцующих наложниц...

Увы, стража на границе Зенаила заметила рабское клеймо сразу – и вовсе не сочла его “чем-то вроде родинки”. Маруфа посчитали беглым рабом, и говорить он мог что угодно – его клеймо оказалось куда важнее. Объявили в розыск хозяина, а когда тот не нашелся – отправили пойманного невольника на рынок.

Там-то я на него и наткнулась. Честно говоря, даже не знаю, кому из нас двоих повезло больше.

Во всяком случае, в обучение танцам моих девчонок он погрузился с полной самоотдачей.

По сути, и задача-то стояла на первый взгляд несложная: силами четверых наложниц создать небольшое танцевальное представление для развлечения гостей Ирмаина. Все девушки красивы, молоды, с отличными фигурами. И Маруфу даже было что взять за основу – в репертуаре его театра был спектакль, где девушки из кордебалета, изображающие зенаильских невольниц, исполняли яркий и необычный танец.

Правда, к примеру, Тария никогда в жизни не танцевала ничего кроме подобия менуэтов, принятых на ее родине. А уж извиваться и делать соблазнительные телодвижения, да еще в легких и довольно откровенных одеждах, оказалась и вовсе не готова!

Легче всех неожиданно вышло с Джарис. Она привыкла к физическим нагрузкам, отличалась гибкостью и умела двигаться плавно, а на свою одежду просто не обращала внимания, пока та не мешала. Но главное – наемница оказалась достаточно дисциплинирована, чтобы полностью сосредоточиться на занятии.

Однако все дело в том, что главной целью было – сконцентрировать все внимание зрителей на приме. Ясно, что блондинка и рыжая со своей экзотической для этих краев внешностью будут неизбежно привлекать больше всего взглядов. И перед ведущей танцовщицей – Заремой – стояла задача, близкая к невыполнимой: перевести все эти взгляды на себя, заставить смотреть только на ее движения, забыть об иноземных красавицах. Чтобы, глядя на нее, ни одному гостю и в голову бы не пришло пожелать другую наложницу.

Я глубоко вздохнула.

– Маруф, у представления будет два зрителя. Два. Один из них – наш муж, который вообще боится женщин и вряд ли станет смотреть. Второй – великий визирь, который прибывает, чтобы обсудить деловые вопросы. Так что он тоже едва ли уделит танцовщицам так уж много внимания, они просто скрасят немного...

– Вот именно! – трагически воскликнул Маруф, продолжая заламывать руки. – Это провал! Зрители должны следить неотрывно, даже если считают женщин исчадиями ада и собрались обсуждать вопрос собственной жизни и смерти! Сила искусства...

Я зарычала.

– Тария! Выдай этому страдальцу успокоительного. Потом беги в город искать Зарему.

– Но я...

– Цыц! Не верю, что ты не знаешь, где она обычно назначает свидания. Хоть за ухо ее приведи! Честное слово, заставлю Ирмаина сделать для вас маячки, будете у меня как коровы с колокольчиками... или переговорники! С маячками, да... бегом! Рами, пришли ко мне Айсылу, Сафиру и попроси у Керима уборочные артефакты для нас – и смотри, чтобы они были заряжены! И Азата к нам пусть отправляет. Потом дуй на кухню. Убедись, что кухарка точно помнит, что у нас будет гость. В ее возрасте всякое может быть... и проследи, чтобы Ники был в своей комнате. Маруф, выпей успокоительного и присоединяйся к нам, нам предстоит до вечера привести в порядок хотя бы одни гостевые покои и малый зал, лишние руки не помешают... Почему вы все еще здесь?!

*

Заняться хотя бы минимальной уборкой стоило, конечно, давно – но у меня все как-то находились более важные и срочные дела.

Честно говоря, это и уборкой-то назвать нельзя с полным правом. Ничего чистить и мыть вручную не придется. Во дворце действительно множество превосходно работающих артефактов. Именно благодаря им здесь все не развалилось несмотря на полное пренебрежение хозяина и слишком старых и малочисленных для такого пространства слуг.

Но, во-первых, артефакты время от времени стоит заряжать или заменять, а Ирмаин об этом напрочь забывает, и напомнить ему некому. То есть было некому до моего появления. А во-вторых – кое-что в работе всех этих волшебных штучек требует контроля.

Заряжать можно двумя способами. Быстрым – с помощью мага. Ему нужно влить буквально крупицу своих сил в артефакт, чтобы зарядить его надолго. Или медленным – под солнечным светом. Этот метод меня позабавил: похоже оказалось на зарядку солнечных батарей. В спектре излучения местного солнца есть и магические лучи. Правда, заряжать артефакты таким образом приходится целыми днями. Но люди, не обладающие собственным даром, чаще всего используют именно такой способ – даже если они не так уж бедны. Не платить же магам за то, что можно добыть и даром!

Что касается контроля, это мне объяснял сам Ирмаин. В доме моего отца убирались невольницы-служанки без всякой магической помощи. Руками и тряпками.

Скажем, можно заложить в очищающие артефакты параметры пыли и песка, который часто наносится с улицы. В результате пыль и песок отовсюду исчезают сами собой. Но чтобы, например, убрать с ковра пятно от пролитого вина, придется заложить в артефакт параметры вина. И если оставить такие “настройки по умолчанию”, то выпить вина в комнате станет невозможно – оно будет испаряться не только с ковра, но и из бокалов. Поэтому время от времени стоит проходить по всей территории дворца, внимательно все осматривать и вручную перенастраивать артефакты для уборки конкретных пятен или нетипичного мусора. И для этого даже не нужен маг.

Вот именно этим я и собиралась заняться перед приемом высокого гостя. Не знаю, как складывались отношения моего мужа и халифа вместе с его визирем раньше. Зато точно знаю, что для деловой репутации важна каждая мелочь. Сейчас дворец буквально кричит всем своим видом о том, что здесь живет пусть богатый, но крайне рассеянный старик слегка не от мира сего, и облапошить его ничего не стоит. Я намерена изменить это. Я еще заставлю халифа считаться с домом Мируз!

...Конечно, мне не удалось заставить заняться делом Сафиру. По ее мнению, я сошла с ума – ведь наш муж достаточно богат, чтобы купить или нанять сколько угодно прислуги.

Хотя привлечь ее к уборке ну очень хотелось! В конце концов, она здесь единственная, у кого нет совсем никаких обязанностей. Но выслушивать ее истерики было все-таки некогда. Что ж... посмотрим, что она станет делать, когда уборка понадобится в ее собственных покоях. Немногочисленных служанок я на этот счет предупрежу. А наши “евнухи” туда и сами не сунутся, не дураки.

Так что я с командой из Айсылу, Джарис, Рами и Азата прошлась по малому залу и гостевым покоям сама. Мужчины двигали мебель, одна наложница орудовала магическим “пылесосом-пятновыводителем”, другая шла следом за ней с камнем-восстановителем, который возвращал всем поверхностям их исходные свойства и превращал потертые диванчики в новые на вид. А я проверяла и заменяла при необходимости разрядившиеся стационарные артефакты.

Помощь Маруфа сводилась в основном к моральной поддержке. Он подбадривал нас восклицаниями вроде “Все пропало!” и “Это провал!”. Правда, делал он это чуть менее высоким голосом, чем раньше, – то ли успокоительное подействовало, то ли подустал.

– Маруф! – не выдержала я наконец, – как ты с такой тонкой душевной организацией переживал премьеры?

– Трудно! – скорбно ответил толстячок. – Каждая премьера – на грани жизни и смерти. Всякий раз меня откачивала половина труппы.

– А вторая репетировала?

– Нет! – еще более драматично возразил Маруф. – Вторая откачивала нашу приму. Она, бессовестная, каждый раз падала в обморок или начинала рыдать. В такой ответственный момент! Никакого такта.

Я только головой покачала. Кажется, мне крупно повезло на самом деле, что у нас за приму – Зарема. У этой нервная система непрошибаемая, по-моему. Ну подумаешь, приходится эту девицу вылавливать по каким-нибудь злачным местам, как только она в кои-то веки понадобилась... интересно, как там успехи с поисками у Тарии? И не узнаешь ведь! Нет, надо поторопить Ирмаина с созданием переговорников.

Отвлечься от переживаний несчастного учителя танцев маня заставил шум, а следом слаженная хоровая ругань за спиной.

Резко обернувшись, я сразу поняла, что послужило поводом для словесных упражнений. Правда, как это могло случиться, предстояло еще выяснить.

– Твою мать! – это я сказала по-русски. Просто в зенаильском не нашла ничего достаточно выразительного.

*

...Посреди малого зала, там, где до сих пор стояла бесценная скульптура, изображавшая льва, высилось... дерево. Настоящее живое дерево, запустившее толстенные корни в плитки пола, по которым уже зазмеились трещины во все стороны. Крона упиралась куда-то под самый сводчатый потолок. А в обхвате оно было таково, что обнять можно разве что втроем.

Кажется, это был дуб. Я не сильна в ботанике, да и листья оказались высоковатые. Во всяком случае, здесь, в жарком Зенаиле, дерево смотрелось настолько чуждо, насколько это вообще возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.